

R A P A B T

Crayon

EXHIBIT

1

Chubb

Из самой магической, самой невероятной из книг Кастанеды Ты узнаешь, что привычная нам картина мира – лишь крохотный островок тоналя в бесконечном, непознаваемом и не поддающемся никаким формулировкам мире волшебства – нагвале.

В этой книге заканчивается рассказ о непосредственном обучении Кастанеды у дона Хуана. Финал обучения – непостижимый разумом прыжок в пропасть. Карлос и двое других учеников дона Хуана и дона Хенаро, навсегда простившись с Учителями, прыгают с вершины столовой горы. В ту же ночь Учитель и Бенефактор ушли навсегда из этого мира.

КАРЛОС КАСТАНЕДА

СКАЗКИ О СИЛЕ

*Пять условий для одинокой птицы:
первое – до высшей точки она долетает;
второе – по компании она не страдает, даже таких же птиц, как
она;
третье – клюв ее направлен в небо;
четвертое – нет у нее окраски определенной;
пятое – поет она очень тихо.*

Сан Хуан де ля Круус «Разговоры о свете и любви»

1. Свидание со знанием

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. У меня была уверенность, что он находится в доме дона Хенаро в центральной Мексике, поэтому я сделал все необходимые приготовления для шести-семидневной поездки к нему. Однако, на второй день моего путешествия я интуитивно остановился в месте жительства дона Хуана в Соноре в середине дня. Я оставил свою машину и пошел к его дому. К своему удивлению я нашел его там.

– Дон Хуан! Я не ожидал найти тебя здесь, – сказал я.

Он засмеялся. Мое удивление, казалось, доставило ему удовольствие. Он сидел перед дверью на пустой молочной фляге. Казалось, он ожидал меня. В той легкости, с которой он встретил меня, был оттенок завершенности. Он снял шляпу и помахал ею перед собой комическим жестом. Затем он опять одел ее и отдал мне честь по-военному он опирался о стену, сидя на фляге, как если бы он был в седле.

– Садись, садись, – сказал он веселым тоном, – рад тебя видеть вновь.

– Я собирался ехать всю дорогу до центральной Мексики ни за что ни про что. А затем мне пришлось бы ехать обратно в Лос-Анжелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне несколько дней езды.»

– Каким-либо образом ты бы нашел меня, – сказал он загадочным тоном. – скажем, однако, что ты должен мне шесть дней, которые ты используешь на нечто более интересное, чем нажимание на педаль газа в своей автомашине.

Было что-то обещающее в улыбке дона Хуана. Его теплота была заразной.

– Где твои орудия письма?

Я сказал ему, что забыл их в автомашине. Он сказал, что без них я выгляжу неестественно и заставил меня пойти и взять их.

– Я закончил писать книгу, – сказал я.

Он бросил на меня долгий странный взгляд, который вызвал раздражение в центре моего живота. Казалось, он толкает меня в живот каким-то мягким предметом. Я ощущал себя так, словно мне вот-вот станет плохо, но затем он отвернул голову в сторону, и я восстановил свое хорошее самочувствие.

Я хотел поговорить о моей книге, но он сделал мне знак, который означал, что он не хочет, чтобы я что-либо говорил о ней. Он улыбнулся. Настроение его было легким и обворожительным, и он тотчас же вовлек меня в незначительный разговор о людях и текущих событиях. В конце концов я ухитрился направить разговор на ту тему, которая меня интересовала. Начал я, заметив, что пересмотрел свои первичные заметки и понял то, что он мне давал детальное описание мира магов с первой нашей встречи. В свете того, что он сказал мне на этих начальных стадиях, я стал расспрашивать о роли галлюциногенных растений.

– Почему ты заставлял меня использовать эти сильные растения столь много раз? – спросил я.

Он засмеялся и очень тихо пробормотал: «потому что ты нем.»

Я расслышал его с первого раза, но хотел быть уверенным в том, что он сказал, и притворился, что не понял.

– Извини, я не расслышал, – сказал я.

– Ты знаешь, что я сказал, – ответил он и встал.

Он похлопал меня по голове и прошел мимо.

– Ты довольно медлительный, – сказал он. – и не было никакого другого способа встряхнуть тебя.

– Значит ничего из этого не было абсолютно необходимо? – спросил я.

– В твоём случае – было. Однако есть другие типы людей, которые, кажется, не нуждаются в этом.

Он стоял рядом со мной, глядя на верхушки кустов с левой стороны дома. Затем он опять сел и заговорил об элихио, своём другом ученике. Он сказал, что элихио воспользовался психотропными растениями только один раз с тех пор, как стал его учеником, и однако он продвинулся даже более далеко, чем я.

– Быть чувствительным – естественное состояние некоторых людей, – сказал он. – ты, также как и я, в эту категорию не входишь. В конце концов чувствительность значит очень мало.

– Но что же тогда значит много? – спросил я.

Казалось, он искал подходящий ответ.

– Имеет значение то, чтобы воин был неуязвим, – сказал он наконец. – но это лишь способ говорить. Способ вертеться вокруг да около. Ты уже выполнил ряд задач магии, и я верю, что пришло время отметить источник всего того, что имеет значение. Поэтому я скажу, что для воина имеет значение прибытие к целостности самого себя.

– Что такое целостность самого себя, дон Хуан?

– Я сказал, что собираюсь только отметить это. В твоей жизни ещё очень много свободных концов, которые ты должен связать прежде, чем я должен поговорить о целостности самого себя.

Здесь он закончил наш разговор. Он сделал знак руками, показав, что хочет остановить мои разговоры. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Он склонил голову налево, как бы прислушиваясь. Я мог видеть белки его глаз, когда он остановил их на кустах, находившихся слева за домом. Несколько секунд он внимательно слушал, а затем поднялся, подошел ко мне и прошептал мне на ухо, что нам нужно уйти из дому и отправиться на прогулку.

– Здесь что-нибудь не так? – спросил я шепотом.

– Нет, все так. Все совершенно в порядке.

Он повел меня в пустынный чапараль. Мы шли около получаса, затем пришли к небольшому круглому участку, на котором не было растительности. Пятнышко около четырех метров в диаметре, где красноватая земля ссохлась и была совершенно ровной. Не было однако никаких признаков, что это машины очистили и выровняли участок. Дон Хуан сел в центре того участка лицом к юго-востоку. Он указал на место в полутора метрах от него и попросил меня сесть там лицом к нему.

– Что мы собираемся сделать? – спросил я.

– Сегодня вечером у нас здесь свидание, – ответил он.

Быстрым взглядом он осмотрелся в окрестностях, поворачиваясь на месте до тех пор, пока не стал вновь смотреть на юго-восток.

Его движения испугали меня. Я спросил его, с кем же это свидание?

– Со знанием, – сказал он. – скажем так, что знание кружит вокруг нас.

Он не дал мне уцепиться за такой загадочный ответ. Он быстро изменил тему, и шутливым тоном велел мне быть естественным, то есть записывать и разговаривать так, как если бы мы были у него дома.

Что больше всего давило мне на ум на этот раз, так это то живое ощущение, которое я имел шестью месяцами раньше, разговаривая с койотом. Это событие означало для меня, что я впервые мог визуализировать или воспринять через свои органы чувств и в трезвом состоянии то описание мира, которое делают маги.

– Мы не собираемся уходить в рассуждения о занятиях подобного рода, – сказал дон Хуан, услышав мой вопрос. – тебе нельзя посоветовать индульгироваться, концентрируя свое внимание

на прошлых событиях. Мы можем касаться их, но только поверхностно.

– Но почему это так, дон Хуан?

– У тебя еще недостаточно личной силы для того, чтобы искать объяснения магов.

– Значит, есть объяснение магов?

– Конечно, маги – люди. Мы – создания мысли. Мы ищем разъяснений.

У меня было такое впечатление, что основным моим недостатком было искать объяснения.

– Нет. Твой недостаток в том, что ты ищешь подходящих объяснений. Объяснений, которые подойдут к твоему миру, против чего я возражаю, так это против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет все вещи в своем мире, но он не такой окаменелый, как ты.

– Каким образом я мог, прийти к объяснению магов?

– Накапливая личную силу. Личная сила заставляет тебя очень легко соскользнуть в объяснение магов. Это объяснение не является тем, что ты называешь объяснением. Тем не менее оно делает мир и его чудеса, если не ясными, то по крайней мере менее пугающими. Это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, чего ты ищешь. Ты ищешь отражения своих идей.

Я потерял инерцию в задавании вопросов. Однако его улыбка подталкивала меня к тому, чтобы я продолжал разговаривать и следующей темой, представляющей для меня большую важность, был его друг Хенаро и то необычное действие, которое имели на меня его поступки. Каждый раз, когда я приходил с ним в контакт, я испытывал абсолютно неземные расстройства органов чувств.

– Хенаро поразителен, – сказал он. – но пока что не имеет смысла говорить о нем или о том, что он делает с тобой. Опять же, у тебя нет достаточно личной силы, чтобы поднимать эту тему. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим.

– Что если ее у меня никогда не будет?

– Если у тебя ее никогда не будет, то мы никогда не поговорим.

– Однако с той скоростью, с которой я продвигаюсь, будет ли она у меня? – спросил я.

– Это зависит от тебя. Я дал тебе всю необходимую информацию. Теперь ты отвечаешь за то, чтобы получить достаточно личной силы, чтобы потрогать чешуйки.

– Ты говоришь метафорами, – сказал я. – скажи мне прямо, скажи мне точно, что я должен делать. Если ты мне уже это говорил, предположим, что я уже это забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, положив руки под голову.

– Ты отлично знаешь, что тебе нужно, – сказал он.

Я сказал ему, что иногда мне кажется, что я знаю, но что большей частью у меня нет такой уверенности в себе.

– Боюсь, что ты путаешь темы, – сказал он. – самоуверенность воина не является самоуверенностью среднего человека. Средний человек ищет определенности в глазах того, кто на него смотрит и называет это самоуверенностью. Воин ищет неуязвимости в своих собственных глазах и называет это смирением. Средний человек сцеплен с окружающими его людьми, в то время как воин сцеплен только с самим собой. Может быть ты охотишься за радугами, ты гонишься за самоуверенностью среднего человека, тогда как тебе следовало бы стремиться к смирению воина. Разница между тем и этим – значительная. Самоуверенность обозначает, что ты знаешь что-то наверняка. Смирение включает в себя то, что ты неуязвим ни в поступках, ни в чувствах.

– Я старался жить в согласии с твоими предложениями, – сказал я. – возможно я делал не все самое лучшее, но самое лучшее, что я мог сам. Это неуязвимость?

– Нет. Ты должен делать лучше, чем это. Ты все время должен выталкивать себя за собственные границы.

– Но это будет безумие, дон Хуан. Никто не может этого.

– Есть масса вещей, которые ты сейчас делаешь, и которые казались бы тебе безумными десять лет назад. Эти вещи сами по себе не изменились. Изменилась твоя идея относительно самого себя. То, что было невозможным тогда, совершенно возможно сейчас. Может быть твой полный успех в перемене самого себя, это только дело времени и в этом отношении единственно возможным курсом, который есть у воина, это действовать неуклонно и не оставляя места для отступления. Ты достаточно знаешь о пути воина, чтобы действовать соответственно. Но на твоём пути стоят твои старые привычки и твой распорядок жизни.

Я понял, что он хотел сказать.

– Ты думаешь, что записывание – одна из моих старых привычек, которую я должен изменить? Может мне следует уничтожить мою новую рукопись?

Он не ответил. Он поднялся и посмотрел на край чапарала. Я сказал, что получил письма от различных людей, говорящих мне о том, что неправильно писать о своем ученичестве. Как прецедент, они цитировали то, что мастера восточных эзотерических доктрин требовали абсолютной секретности. Насчет своих учений.

– Может быть, эти мастера просто индальгируют в том, что они мастера? – сказал дон Хуан, глядя на меня.

– Я не мастер. Я только воин. Поэтому я действительно не знаю, что чувствует мастер.

– Но может быть я говорю о тех вещах, о которых мне не следовало бы говорить, дон Хуан?

– Неважно, что человек открывает или что он удерживает про себя. Все, что мы делаем, все, чем мы являемся, основывается на нашей личной силе. Если у нас ее достаточно, то одно сказанное слово может быть достаточным для того, чтобы изменить весь ход нашей жизни. Но если у нас недостаточно личной силы, то прекраснейшие и чудеснейшие отделы мудрости могут быть раскрыты нам, и это раскрытие ни черта нам не даст.

Затем он снизил голос, как бы говоря мне что-то секретное.

– Я собираюсь произнести, пожалуй, величайший момент знания, который кто-либо может произнести, – сказал он. – посмотрю я, что ты с ним сможешь сделать. Знаешь ли ты, что в этот самый момент ты окружен вечностью, если пожелаешь?

После долгой паузы, во время которой он подталкивал меня едва заметными движениями глаз сделать заключение, я сказал, что не понимаю, о чем он говорит.

Затем он указал в зенит. Или там, или мы можем сказать, что вечность вроде этого, – и он расставил руки, указывая на восток и запад.

Мы взглянули друг на друга. В его глазах был вопрос.

– Что ты на это скажешь? – спросил он, подзуживая меня подумать над его словами.

Я не знал, что сказать.

– Знаешь ли ты, что ты можешь растянуть себя навсегда в любом из направлений, в котором я указал, – продолжал он, – знаешь ли ты, что один момент может быть вечностью? Это не загадка, это факт. Но только если ты оседлаешь этот момент и используешь для того, чтобы ухватиться за целостность самого себя навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

– У тебя не было этого знания раньше, – сказал он улыбаясь. – теперь ты его имеешь. Но это не делает никакой разницы, поскольку у тебя недостаточно личной силы для того, чтобы использовать мое откровение. Однако, если бы у тебя было достаточно личной силы, то одни только мои слова были бы достаточны для тебя, чтобы сконцентрировать целостность самого себя и вывести критическую часть себя за те границы, в которых она заключена.

Он подошел ко мне сбоку, и постукал меня по груди. Это было очень легкое постукивание.

– Там границы, о которых я говорю, – сказал он. – можно выйти из них. Мы – это чувства,

осознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками и мои блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан поставил ногу на блокнот и уставился на меня смеясь.

Я спросил его, не возражает ли он, что я делаю заметки. Он сказал «нет» ободряющим тоном и убрал ногу.

– Мы – светящиеся существа, – сказал он, ритмично покачивая головой. – а для светящегося существа только личная сила имеет значение. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, то я должен сказать тебе, что мои объяснения не объясняют этого.

Дон Хуан взглянул на западный горизонт и сказал, что еще осталось несколько часов дневного света.

– Нам придется здесь быть долго, – объяснил он. – поэтому мы будем или спокойно сидеть, или говорить. Для тебя неестественно молчать, поэтому, продолжим разговаривать. Это место является местом силы, и прежде чем придет ночь, оно должно быть использовано для нас. Ты должен сидеть как можно более естественно, без страха и без нетерпения. Похоже на то, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько твоей душе угодно. А теперь, предположим, что ты расскажешь мне что-нибудь о своих сновидениях.

Его внезапный переход застал меня врасплох. Он повторил свою просьбу. Много нужно было сказать об этом. Сновидения включали в себя культивирование особого контроля над собственными снами до такой степени, что опыт, испытанный в них, и то, что испытываешь во время бодрствования, приобретает одинаковую практическую ценность. Подход магов состоял в том, что под воздействием сновидения обычный критерий в том, чтобы отличить сон от реальности, становится недействующим.

Практика сновидения состояла в том упражнении, в которое входило нахождение собственных рук во время сна. Иными словами, следовало намеренно увидеть во сне, что смотришь на собственные руки и можешь найти их, поднимая на уровень глаз во время сна.

После нескольких лет безуспешных попыток я, наконец, выполнил задачу. Оглядываясь назад, мне становится очевидным, что я добился успеха лишь после того, как добился контроля в какой-то степени над миром своей повседневной жизни.

Дон Хуан захотел узнать всю подноготную. Я стал рассказывать ему, что трудность устанавливать команду смотреть на руки очень часто бывает совершенно непреодолимой. Он предупредил меня, что ранние стадии подготовительной работы, которую он называл настройка сновидения, состояли из смертельной игры, которую ум человека играет сам с собой, и что какая-то часть меня самого будет делать все возможное к тому, чтоб воспрепятствовать выполнению этой задачи.

– Сюда может входить, – сказал дон Хуан, – раздумывание о бессмыслице всего этого, наплывы меланхолии или даже депрессия с позывом к самоубийству.

Я однако так далеко не зашел. Мой опыт был скорее на светлой, комической стороне. Тем не менее результат бывал одинаково разочаровывающим. Каждый раз, когда я собирался взглянуть на руки во сне, случалось что-нибудь необычное. Я или начинал летать, или мой сон превращался в ночной кошмар, или же просто приходило очень приятное ощущение телесного возбуждения. Все во сне выходило далеко за рамки «нормального», если говорить о живости сна, и поэтому сон ужасно затягивал. Мое первоначальное намерение наблюдать за своими руками бывало забыто в свете новой ситуации.

Однажды ночью, совершенно неожиданно, я нашел свои руки во сне. Я видел во сне, что иду по незнакомой улице иностранного города и внезапно я поднял руки и поместил их перед лицом. Казалось, что что-то внутри меня самого сдалось и позволило мне смотреть на тыльную сторону своих рук.

Инструкции дон Хуана состояли в том, что как только вид моих рук станет расплываться или меняться на что-либо еще, я должен перевести свой взгляд с рук на любой другой элемент окрестности в моем сне. В этом конкретном сне я перенес свой взгляд на здание в конце улицы. Когда вид здания начал туманиться, я сконцентрировал свое внимание на других элементах, входящих в мой сон. Конечным результатом была невероятно ясная и стройная картина пустынной улицы в каком-то неизвестном заграничном городе.

Дон Хуан заставил меня продолжать рассказывать о других опытах в сновидении. Мы разговаривали долгое время.

В конце моего отчета он поднялся и пошел в кусты. Я тоже поднялся. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное ощущение, поскольку ничто не возбуждало ни страха, ни заботы. Дон Хуан вскоре вернулся, он заметил мое возбуждение.

– Успокойся, – сказал он, слегка взяв меня за руку.

Он усадил меня и положил мне на колени блокнот. Он уговаривал меня писать. Его аргументом было то, что я не должен беспокоить место силы ненужными чувствами страха или колебания.

– Почему я стал так нервничать? – спросил я.

– Это естественно, – сказал он. – чему-то внутри тебя угрожает твоя деятельность в сновидениях. До тех пор, пока ты не думал об этой деятельности, с тобой было все в порядке. Но теперь, когда ты свои действия раскрыл, ты готов упасть в обморок.

– У каждого воина свой собственный способ сновидения. Каждый способ различен. Единственно, что у нас есть у всех общее, так это то, что мы разыгрываем хитрые трюки для того, чтобы заставить самих себя отступить. Противоядием будет настойчиво продолжать попытки, несмотря на все эти барьеры и разочарования.

Он спросил меня затем, могу ли я выбирать тему для сновидения. Я сказал, что не имею ни малейшей идеи относительно того, как это сделать.

– Объяснение магов, относительно того, как отбирать тему для сновидения, – сказал он, – состоит в том, что воин выбирает тему сознательно, удерживая изображение в своем уме, в то время как он выключает свой внутренний диалог. Другими словами, если он способен на какое-то время о том, что он хочет в сновидении, даже если это ему удастся лишь на секунду, желаемая тема придет. Я уверен, что ты это сделал, хотя и не осознавал этого.

Последовала длинная пауза, а затем дон Хуан начал нюхать воздух. Казалось, он прочищает свой нос. Три или четыре раза он с силой выдохнул через ноздри, мышцы его живота сокращались рывками, которые он контролировал делая короткие, маленькие вдохи.

– Мы больше не будем говорить о сновидении, – сказал он. – Это может стать у тебя навязчивой мыслью. Если в чем-нибудь можно добиться успеха, то успех должен приходиться легко, с небольшим количеством усилий, но без стресса или навязчивых идей.

Он поднялся и прошел к краю кустов. Нагнувшись, он всмотрелся в листву. Казалось, он что-то рассматривает в листьях, не подходя к ним слишком близко.

– Что ты делаешь? – спросил я, не способный сдержать свое любопытство.

Он повернулся ко мне, улыбнулся и поднял брови.

– Кусты полны странных вещей, – сказал он и сел снова.

Его тон был таким спокойным, что он испугал меня больше, чем если бы он крикнул. Мой блокнот и карандаш упали у меня из рук. Он засмеялся, изобразил мои движения и сказал, что мои преувеличенные реакции являются одним из тех свободных концов, которые еще существуют в моей жизни.

Я хотел поговорить об этом, но он мне не позволил.

– Осталось совсем немножко дневного света, – сказал он. – есть другие вещи, которых мы

должны коснуться, прежде чем наступят сумерки.

Затем он добавил, что, судя по моим успехам в сновидении, я должно быть научился останавливать по желанию свой внутренний диалог. Я сказал ему, что это так.

В начале нашей связи дон Хуан разработал другую процедуру: делать длинные переходы, не фокусируя глаза ни на чем. Его рекомендацией было не смотреть ни на что прямо, но, слегка раскашивая глаза, удерживать в боковом зрении все, что попадает на глаза. Он настаивал, хотя в то время я этого и не понимал, на том, что если будешь удерживать нефокусированные глаза в точке слегка выше горизонта, то возможно замечать сразу все в почти полном 180-градусном секторе перед глазами. Он заверил меня, что это упражнение является единственным способом прекратить внутренний диалог. Он обычно спрашивал меня о моем прогрессе, но потом перестал интересоваться этим.

Я сказал дону Хуану, что практиковал эту технику в течение нескольких лет, не замечая никаких изменений. Однако однажды я с потрясением понял, что только что шел в течение десяти минут, не сказав себе ни единого слова.

Я заметил дону Хуану, что осознал тот факт, что остановка внутреннего диалога – это не просто удержание слов, которые я говорил себе. Весь мой мыслительный процесс остановился, и я ощутил себя как бы в подвешенном состоянии, парящим. Чувство паники, которое возникло из этого осознания заставило меня восстановить свой внутренний диалог как противоядие.

– Я говорил себя, что внутренний диалог это то, что прижимает нас к земле, – сказал дон Хуан. – мир то-то и то-то или такой-то и такой-то только потому, что мы говорим сами себе о том, что он то-то и такой-то.

Дон Хуан объяснил, что проход в мир магов открывается после того, как воин научится выключать внутренний диалог.

– Сменить нашу идею мира – является ключом магии, – сказал он. – остановка внутреннего диалога – единственный путь к тому, чтобы выполнить это. Все остальное просто продвижение. Сейчас ты в таком положении, что знаешь о том, что ничто из того, что ты видел или слышал, за исключением остановки внутреннего диалога не могло само по себе изменить что-либо в тебе или в твоей идее мира. Следует оговориться, однако, что такое изменение не может быть вызвано силой. Теперь ты сможешь понять, почему учитель не обрушивается на своего ученика. Это родит в нем только мрачность и навязчивые идеи.

Он спросил о деталях других опытов, которые у меня были в выключении внутреннего диалога. Я рассказал все, что мог вспомнить.

Мы разговаривали, пока не стало темно, и я уже не мог удобно записывать. Мне пришлось уделять меньше внимания записыванию, а это изменяло мою концентрацию. Дон Хуан понял это и стал смеяться. Он указал на то, что я выполнил еще одну задачу магии – записывать, не концентрируя внимания.

В тот момент, когда он это сказал, я понял, что на самом деле не уделяю никакого внимания действию записывания, казалось, это отдельная деятельность, с которой я не имею ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что стало слишком темно, и что мне уже небезопасно сидеть так близко к краю чапарала. Я почувствовал на спине озноб и прыгнул к нему.

Он велел мне сесть лицом к юго-востоку и командовать самому себе быть тихим без всяких мыслей.

Сначала я не мог этого сделать и испытал момент нетерпения. Дон Хуан повернулся ко мне спиной и сказал, чтобы я облокотился о его плечо для поддержки. Он сказал, что как только я остановлю свои мысли, я должен удерживать глаза открытыми и смотреть на кусты в

направлении юго-востока. Загадочным тоном он добавил, что поставил передо мной задачу, и что если я решу ее, то буду готов к другому сегменту мира магов.

Я выставил слабый вопрос о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его вопроса и затем что-то во мне включилось. Я почувствовал себя подвешенным. Казалось, что из моих ушей выпали затычки, и миллионы звуков чапаралья стали слышны, их было так много, что я не мог их отличать индивидуально. Я чувствовал, что засыпаю и затем внезапно что-то привлекло мое внимание. Это не было что-то такое, что вовлекало бы мой мыслительный процесс. Это не было видением или чертой окрестностей, и однако же мое сознание было чем-то захвачено. Я был абсолютно бодрствующим. Глаза мои были сфокусированы на пятне у края чапаралья, но я не смотрел, не думал и не говорил сам с собой. Мои чувства были чисто телесными ощущениями. Слова им не требовались. Я чувствовал, что прорываюсь через что-то неопределенное. Может быть то, что в обычном состоянии было бы моими мыслями, прорывалось. Во всяком случае, у меня было такое ощущение, что я попал в снежный обвал, и что-то теперь рушилось, имея меня в своем центре. Я почувствовал жжение в своем животе. Что-то тянуло меня в чапараль. Я мог различать темную массу кустов прямо перед собой. Однако, это не было недифференцированной темнотой, которой она была обычно. Я мог видеть каждый отдельный куст, как если бы смотрел на них в темных сумерках. Казалось, они двигаются. Масса их листьев выглядела как черные юбки, летящие ко мне, как если бы их нес ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая дрожь, казалось, подтаскивала их все ближе и ближе ко мне. А затем я заметил более светлый силуэт, который, казалось, накладывался на темную форму кустов. Я сфокусировал свои глаза сбоку от светлого силуэта и смог увидеть в нем слабое сияние. Затем я взглянул на него не фокусируясь и мне пришло ясное убеждение, что светлый силуэт – это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии сознания. Я осознавал окружающее и тот умственный процесс, который это окружающее во мне вызывало. Однако я ничего не думал, как я думаю обычно. Например, когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты – человек, я вспомнил другой случай в пустыне. Я заметил тогда, во время прогулки с доном Хенаро, что в ночном чапарале позади нас прячется человек. Но в тот момент, как я пытался разумно объяснить явление, я потерял человека из виду. На этот раз, однако, я чувствовал себя хозяином положения и отказался объяснять что-либо или думать вообще. На секунду у меня было впечатление, что я могу удержать человека и заставить его оставаться там, где он есть. Затем я испытал странную боль в центре своего живота. Что-то, казалось, вырывалось изнутри меня, и я уже не мог больше держать напряженными мышцы брюшного пресса. В тот самый момент, когда я отступился, темная фигура громадной птицы или какого-то летающего животного бросилась на меня из чапаралья. Казалось, что форма человека превратилась в форму птицы. У меня было ясное осознанное восприятие страха. Я ахнул, затем издал громкий крик и упал на спину.

Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вплотную с моим. Он смеялся.

– Что это было? – заорал я.

Он заставил меня замолчать, приложив мне руку ко рту. Приложив мне губы к уху, он прошептал, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, как будто бы ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была расслабленная и равномерная. Пару раз он быстро оборачивался. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади себя я слышал громкий и какой-то неземной крик. На секунду я был объят чистым ужасом. Судороги прошли у меня по мышцам живота. Они начинались спазматически и их интенсивность росла до тех пор, пока они просто не заставили мое тело бежать.

Единственно, как можно говорить о моей реакции, так это применяя терминологию дона Хуана. Поэтому я могу сказать, что мое тело из-за того испуга, который я испытал, смогло выполнить то, что он называл «бег силы», техника, которой он обучил меня несколькими годами раньше, состоящая из бега в темноте не спотыкаясь и не ударяясь ни обо что.

Я не полностью осознавал, что я сделал или как я сделал. Внезапно я оказался опять у дома дона Хуана. Очевидно он тоже бежал, и мы прибежали в одно и то же время. Он зажег свою керосиновую лампу, повесил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился.

Некоторое время я лежал на одном месте, пока моя нервозность не стала более управляемой. Затем я сел. Он подчеркнуто сильно приказал мне действовать так, словно ничего не произошло и вручил мне мой блокнот. Я не заметил в своей спешке, что обронил его.

– Что там произошло, дон Хуан? – спросил я наконец.

– У тебя было свидание со знанием, – сказал он, указывая движением подбородка на темный край пустынного чапарала. – я повел тебя туда, потому что я мельком заметил ранее, что знание бродило вокруг дома. Можно сказать, что знание знало о том, что ты приезжаешь и ожидало тебя. Вместо того, чтобы встречаться с ним здесь, я считал, что с ним следует встретиться на месте силы. Затем я сделал тебе испытание, чтобы посмотреть, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы изолировать ее от всех остальных окружающих нас вещей. Ты сделал прекрасно.

– Подожди минутку, – запротестовал я. – я видел силуэт человека, прячущегося за кустом, а затем я видел огромную птицу.

– Ты не видел человека! – сказал он с ударением. – не видел ты и птицы. Силуэт в кустах и то, что полетело к нам, была бабочка. Если ты хочешь быть точным, употребляя термины магов, но очень смешным в своих собственных терминах, то ты можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание – это бабочка.

Он взглянул на меня пристально. Свет лампы создавал странные тени на его лице. Я отвел глаза.

– Возможно, у тебя будет достаточно личной силы, чтобы разгадать эту загадку сегодня ночью, – сказал он. – если не сегодня ночью, то может быть завтра. Вспомни, ты мне еще должен шесть дней.

Дон Хуан поднялся и прошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и поставил ее к стене на короткий круглый чурбан, который он использовал как табурет. Мы уселись на полу друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил перед нами. Ели мы в молчании.

Время от времени он бросал на меня отрывистые взгляды и, казалось, готов был засмеяться. Его глаза были как две щелки. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага в уголках отражала свет лампы. Казалось, он использовал свет для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, покачивая головой почти незаметно каждый раз, когда останавливал глаза на мне. Эффектом была захватывающая игра света. Я осознал его маневры после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он действует так, имея в уме определенную цель я почувствовал себя обязанным спросить об этом.

– Для этого у меня есть далеко идущая причина, – сказал он ободряюще. – я успокаиваю тебя своими глазами. Ты уже больше не нервничаешь, не так ли?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо. Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коей мере не раздражало и не пугало меня.

– Как ты успокаиваешь меня своими глазами? – спросил я.

Он повторил незаметные покачивания головы. Его глаза действительно отражали свет

керосиновой лампы.

– Попробуй сделать это сам, – сказал он спокойно и положил себе еще еды. – ты сможешь успокаивать сам себя.

Я попробовал качать головой. Мои движения были неуклюжи.

– Болтая головой таким образом ты себя не успокоишь. Скорее ты добьешься головной боли. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из района внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потер район живота. Когда я закончил есть, я прислонился к груде дров и пустых мешков. Я попытался имитировать его качание головой. Дон Хуан, казалось, забавлялся бесконечно. Он смеялся и хлопал себя по ляжкам.

Затем внезапный звук прервал его смех. Я услышал странный глубокий звук, подобный постукиванию по дереву, который исходил из чапарала. Дон Хуан поднял свой подбородок, сделав мне знак оставаться alertным.

– Это бабочка зовет тебя, – сказал он без всяких эмоций в голосе.

Я вскочил на ноги. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений. Он сделал комический жест беспомощности, пожимая плечами.

– Ты еще не закончил своего свидания, – добавил он.

Я сказал ему, что чувствую себя недостойным и что лучше я уеду домой и вернусь тогда, когда буду чувствовать себя сильнее.

– Ты говоришь чепуху, – бросил он. – воин берет свою судьбу, какой она бы ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает то, чем он является не для того, чтобы сожалеть, не как основу для сожаления, а как живой вызов.

– Для каждого из нас нужно время, чтобы понять этот момент и использовать его в жизни. Я, например, ненавижу само звучание слова «смирение». Я – индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и ничего не делали, только опускали свои головы. Я думал, что смирение не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина не является смирением нищего. Воин ни перед кем не опускает головы, но в то же время он не позволит никому опускать свою голову перед ним. Нищий, напротив, уже при падении шляпы падает на колени и метет пол перед любим, кого считает выше себя. Но в то же время он требует, чтобы кто-то, находящийся ниже его, мел пол перед ним.

Вот почему я говорил тебе сегодня ранее, что я не понимаю, что чувствуют мастера. Я знаю только смирение воина, а оно никогда не позволит мне быть чьим-либо мастером.

Мы некоторое время молчали. Его слова вызвали во мне глубокое волнение. Я был тронут ими и в то же время озабочен тем, чему я был свидетелем в чапарале. Моим сознательным заключением было то, что дон Хуан что-то скрывает от меня и что он на самом деле должен знать, что происходит.

Я ушел в эти размышления, когда тот же самый странный стучащий шум вывел меня из задумчивости. Дон Хуан улыбнулся, а затем начал посмеиваться.

– Ты любишь смирение нищего, – сказал он мягко. – ты опускаешь голову перед разумом.

– Я всегда думаю, что меня разыгрывают, – сказал я. – это основной момент моей проблемы.

– Ты прав. Тебя разыгрывают, – заметил он с обезоруживающей улыбкой. – это не может быть твоей проблемой. Реальной проблемой в этом отношении является то, что ты чувствуешь, будто я сознательно тебя обманываю. Прав я?

– Да, есть во мне что-то, что не дает мне поверить в реальность происходящего.

– Ты опять прав. Ничего из происходящего не является реальным.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Вещи являются реальными только после того, как научишься соглашаться с их реальностью. То, что происходит сегодня ночью, например, вероятно не может быть для тебя реальным, потому что никто с тобой согласиться не может относительно этого.

– Ты хочешь сказать, что не видел того, что произошло?

– Конечно, видел, но я не в счет. Вспомни, что я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся и не выбился из дыхания. Его смех был дружественным, даже несмотря на то, что он смеялся надо мной.

– Не обращай так много внимания на ту чушь, которую я несу, – сказал он ободряюще. – я просто стараюсь расслабить тебя и знаю, что ты чувствуешь себя в своей тарелке только тогда, когда ты в смущении.

Его выражение было рассчитано комичным, и мы оба расхохотались. Я сказал ему, что меня еще более испугало то, что он сейчас сказал.

– Ты боишься меня? – спросил он.

– Не тебя, но того, что ты представляешь.

– Я представляю собой свободу воина. Ты этого боишься?

– Нет, но я боюсь устрашительности твоего знания. В нем нет для меня утешения. Нет гавани, куда бы приткнуться.

– Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх – все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

– Кто такие черные маги?

– Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Подумай на секунду, можешь ли ты уклониться с той тропы, которую они для тебя проложили. Нет. Твои мысли и твои поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. Я, с другой стороны, принес тебе свободу. Свобода дорога, но цена невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих мастеров. Не трать своего времени и своей силы, боясь меня.

Я знал, что он был прав, но все же несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал также, что привычки моей жизни обязательно заставят меня тянуться к моей старой тропе. Я действительно себя чувствовал рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы чтобы еще раз столкнуться со знанием.

– Ты хочешь сказать, с бабочкой? – спросил я полушутя.

Его тело согнулось от смеха. Казалось, что я только что сказал ему самую смешную шутку в мире.

– Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание – это бабочка? – спросил я.

– Я ничего другого не имею в виду, – ответил он. – бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени со всеми твоими достижениями у тебя будет достаточно силы, чтобы «видеть». Вместо этого ты мельком заметил человека. А это не было истинным «видением».

С самого начала моего ученичества дон Хуан ввел концепцию «видения», как особой способности, которую можно развить, и которая позволит воспринимать «истинную» природу вещей.

За несколько лет нашей связи у меня развилось мнение, что то, что он имеет в виду под «видением», является интуитивным восприятием вещей, или же способностью понимать что-то сразу, или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и раскрывать скрытые значения и мотивы.

– Я могу сказать, что сегодня вечером, когда ты встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину видел, – продолжал дон Хуан. – В этом состоянии, хотя ты и не был полностью самим собой, как обычно, ты, тем не менее, смог находиться в полном сознании, чтобы управлять своим знанием мира.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

– Как я управлял своим знанием мира? – спросил я.

– Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль и естественно тебе пришлось найти способ сделать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

– Но я совсем не думал, дон Хуан.

– Тогда не будем называть это думанием. Скорее это привычка иметь мир таким, чтобы он всегда соответствовал нашим мыслям, когда он не соответствует, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, такие большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

– Такая же вещь случилась и с койотом. Твои старые привычки определили природу этой встречи также. Что-то произошло между тобой и койотом. Но это не был разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, что однажды я говорил с оленем. Теперь ты разговариваешь с койотом. Но ни ты, ни я никогда не узнаем, что на самом деле имело место в этих случаях.

– Что ты мне говоришь, дон Хуан?

– Когда объяснение магов стало ясным для меня, уже было слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами произошел разговор, это только способ представить все таким образом, чтобы я смог об этом говорить. Олень и я что-то делали, но в то время, когда это имело место, мне нужно было заставлять мир соответствовать моим идеям, совершенно так же, как это делал ты. Так же, как ты, я всю свою жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, то я был вынужден понимать это как разговор.

– Это объяснение магов?

– Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов. Его заявление бросило меня в состояние умственного возбуждения. На некоторое время я забыл о крадущейся бабочке и даже забыл записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинное обсуждение рефлексивной природы нашего мира. Мир, согласно дону Хуану, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает себя.

Другим моментом его разъяснения было то, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в терминах того, что я назвал «привычки». Я ввел то, что считал более всеобъемлющим термином «намеренность» – свойство человеческого сознания посредством которого соотносятся с объектом или намереваются иметь этот объект в таком именно виде.

Наш разговор вызвал крайне интересное рассуждение. Будучи рассмотренным в свете объяснений дон Хуана, мой «разговор» с койотом приобретал новые черты. Я действительно намеренно вызвал «диалог», поскольку я никогда не знал другого пути намеренной коммуникации. Я также преуспел в том, чтобы заставить его отвечать описанию, соответственно которому коммуникация происходит через диалог. И, таким образом, я заставил описание отразиться.

Я испытал момент огромного подъема. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами, это другой аспект моей глупости. Он сделал комический жест разговора без звуков.

– Мы все проходим через одни и те же фокусы, – сказал он после длинной паузы. – единственный способ преодолеть их состоит в том, чтобы продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и посредством себя самого.

– А что остальное, дон Хуан?

– Знание и сила. Люди знания обладают и тем и другим. И в то же время никто из них не сможет сказать, каким образом они их приобрели за исключением того, что они неуклонно действовали как воины, и в определенный момент все изменилось.

Он взглянул на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он быстро встал и сказал, что у меня нет иного выхода. Как продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Мое сердце начало колотиться. Я поднялся, и дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело со всех возможных углов. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

– Если ты будешь слишком испуган, то ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не ослаблять своей хватки.

– Я действительно испуган, – сказал я. – бабочка или что иное, но что-то там лазает по кустам.

– Конечно, – воскликнул он, – мое возражение состоит в том, что ты настойчиво считаешь это человеком, точно также, как ты настойчиво думаешь, что разговаривал с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Был, однако, другой аспект меня самого, который не отступался и, несмотря на очевидное, накрепко прицеплялся к рассудку.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

– В этом слабая сторона слов, – сказал он подбадривающе. – Они всегда заставляют нас чувствовать себя просвещенными, но когда мы оборачиваемся, чтобы посмотреть на мир, то они всегда предают нас, и мы кончаем тем, что смотрим на мир так же, как всегда это делали, без всякого просветления. По этой причине маг старается больше действовать, чем говорить. И как следствие этого, он получает новое описание мира. Новое описание, где разговор не является очень уж важным, и где новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом со мной, посмотрел мне в глаза и попросил меня рассказать о том, что я действительно видел в чапарале.

На секунду меня охватила полная неопределенность. Я видел темную фигуру человека, но в то же время, я видел, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом я видел больше, чем мой рассудок давал мне возможным считать вероятным. Но вместо того, чтобы отбрасывать свой рассудок совершенно, что-то во мне выбрало отдельные части моего опыта, такие как размер и общие очертания темной фигуры и удержало их как разумную возможность, выбрасывая в то же время другие части, вроде того, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Дон Хуан расхохотался, когда я выразил свои затруднения. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет ко мне на помощь и тогда все сразу станет совершенно ясным. Без необходимости быть разумным или неразумным.

– А пока все, что я могу для тебя сделать, это гарантировать, что это не был человек, – сказал он.

Взгляд дона Хуана стал нервирующим. Мое тело невольно задрожало. Он заставил меня почувствовать раздражение и нервозность.

– Я ищу отметки на твоём теле, – объяснил он. – ты можешь этого не знать, но сегодня вечером ты был в хорошенькой переделке.

– Что за отметки ты ищешь?

– Не настоящие, физические отметки на твоём теле, но знаки, указания в твоих светящихся волокнах, в районах яркости. Мы – светящиеся существа, и все, что мы есть, и все, что мы чувствуем бывает видно в наших волокнах. Люди имеют яркость, свойственную только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся живых существ.

Если бы ты «видел» сегодня вечером, то ты заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел спрашивать дальше, но он приложил мне руку ко рту и заставил замолчать. Затем он нагнулся мне к уху и прошептал, что я должен слушать и попытаться услышать мягкое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и ветвям на земле.

Я ничего не мог расслышать. Дон Хуан резко поднялся, взял лампу и сказал, что мы будем сидеть под навесом у его двери. Он вывел меня через заднюю дверь и обвел меня вокруг дома по краю чапарала. Вместо того, чтобы пройти через комнату и выйти из передней двери. Он объяснил, что необходимо было сделать наше присутствие явным. Мы наполовину обошли дом с его левой стороны. Шаг дона Хуана был исключительно медленным и неуверенным. Его рука тряслась, когда он держал лампу.

Я спросил его, что с ним случилось. Он мне подмигнул и прошептал, что большая бабочка, которая рыскает вокруг, имеет свидание с молодым человеком, и что медленная походка слабого старика была явным способом показать, с кем она встречается.

Когда мы наконец пришли к передней части дома, дон Хуан повесил лампу на балку и усадил меня спиной к стене. Сам он сел справа.

– Мы собираемся сидеть здесь, – сказал он. – а ты будешь писать и разговаривать со мной очень нормальным образом. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня, находится поблизости в кустах. Через некоторое время она подойдет поближе взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу на балку прямо над тобой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, она позовет тебя. Это очень специфический звук. Звук сам по себе может помочь тебе.

– Что это за звук, дон Хуан?

– Это песня, навязчивый зов, который производят бабочки. Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там в кустах – редкая бабочка. Ты будешь ясно слышать ее зов, и при условии, что ты будешь неуязвимым, он останется с тобой до конца твоей жизни.

– Чем он мне поможет?

– Сегодня ночью ты попытаешься закончить то, что ты начал раньше. «Видение» случается только тогда, когда воин способен останавливать внутренний диалог.

Сегодня ты своей волей остановил его там, в кустах. И ты «видел». То, что ты «видел», не было ясным. Ты думал, что это человек. Я говорю, что это была бабочка. Никто из нас не является правым, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, взял верх, потому что я «вижу» лучше, чем ты, поэтому я знаю, хотя это и не совершенно точно, что фигура, которую ты «видел» этим вечером, была бабочкой.

А сейчас ты останешься молчаливым и ничего не думающим и дашь этой бабочке прийти к тебе опять.

Я едва мог записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать записывать, как если бы меня ничего не беспокоило. Он взял меня за руку и сказал, что делание заметок является самым лучшим защитным щитом, который у меня есть.

– Мы никогда не говорили про бабочек, – продолжал он. – время не соответствовало до сих пор. Как ты знаешь уже, твой дух был неуравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить способом воина. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен. Затем, живя в полном контроле и с сознанием, но без спешки или порывистости, он делает лучшее, чтобы

достичь этого равновесия.

– В твоём случае, как в случае каждого человека, твоё неравновесие было вызвано общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, находится в надлежащем свете, чтобы говорить о бабочках.

– Откуда ты узнал, что это время, подходящее для того, чтобы говорить о бабочках?

– Я заметил отблеск бабочки, рыскавшей вокруг, когда ты приехал. Она в первый раз была дружелюбна и открыта. Я «видел» её прежде, в горах около дома Хенаро. Но только как угрожающую фигуру, отражающую отсутствие у тебя порядка.

В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушённый треск ветвей, трущихся одна о другую, или как работа небольшого моторчика, который слышишь с отдаления. Он менял масштабы как музыкальный тон, создавая неуловимый ритм. Затем он прекратился.

– Это была бабочка, – сказал дон Хуан. – может быть, ты уже заметил, что хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлекать бабочек, но ни одна из них не летает вокруг неё.

Я не обращал на это внимания, но после того, как дон Хуан указал мне на это, я также заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

– Не становись непоседливым, – сказал он. – в мире нет ничего такого, что воин не мог бы принять в расчёт. Видишь ли, воин рассматривает себя уже мёртвым, поэтому ему уже нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Судя о нём по его поступкам или по его словам, никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дон Хуана, а ещё больше все его настроение были для меня очень успокаивающими. Я рассказал ему, что в своей повседневной жизни я уже больше не испытывал того захватывающего страха, который я испытывал когда-то. Но что моё тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там в темноте.

– Там есть только знание, – сказал он как само собой разумеющееся. – знание пугающее, правда. Но если воин принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает то, что оно пугает.

Странный ворчащий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем более трудно было определить его природу. Он не походил на крик птицы или крик животного. Оттенок каждого воркующего звука был богатым и глубоким. Некоторые звуки производились в низком ключе, другие – в высоком. Они имели ритм и особую длительность. Некоторые были длинными. Я слышал их как отдельные звуковые единицы. Другие были короткими и сливались вместе, словно звуки пулеметной очереди.

– Бабочки являются глашатаями или лучше сказать стражами вечности, – сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. – по какой-то причине, или может быть вообще без всякой причины, они являются хранителями золотой пыли вечности.

Метафора была для меня незнакомой. Я попросил объяснить её.

– Бабочки несут пыль на своих крыльях, – сказал он. – темно-золотую пыль. Эта пыль является пылью знания.

Его объяснение сделало метафору ещё более смутной. Я некоторое время раздумывал, пытаюсь наилучшим образом подобрать слова для вопроса, но он начал говорить вновь.

– Знание – это весьма особая вещь, – сказал он. – особенно для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

– Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочек? – спросил я после долгой паузы.

– Знание приходит, летя как крупинцы золотой пыли, той самой пыли, которая покрывает крылья бабочек. Поэтому для воина знание похоже на прием душа, или нахождение под дождем

из крупиц темно-золотой пыли.

Так вежливо, как я только мог, я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня в том, что говорит вполне осмысленные вещи, разве что мне мой рассудок не позволяет хорошо себя почувствовать.

– Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с незапамятных времен. Я не касался этого предмета раньше, потому что ты не был к нему готов.

– Но как может быть пыль на их крыльях знанием?

– Ты увидишь. Он положил руку на мой блокнот и сказал, чтобы я закрыл глаза и замолк, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки чапарала поможет мне. Если я уделю ему внимание, то он расскажет мне о необычных вещах. Он подчеркнул, что не знает, каким образом будет установлена связь между мной и бабочкой. Точно так же он не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и верить моей личной силе.

После первоначального периода беспокойства и нервозности я добился того, что замолчал, мои мысли стали уменьшаться в количестве до тех пор, пока ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в пустынном чапарале, казалось, включились.

Странный звук, который по словам дона Хуана производила бабочка, появился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль в уме. Я увидел, что он не является угрожающим или злым. Он был милым и простым. Он был похож на зов ребенка. Он вызвал воспоминание о маленьком мальчике, которого я когда-то знал. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой головке, короткое стаккато звуков – о его смехе. Очень сильное чувство охватило меня, и все же в голове у меня не было мыслей. Я чувствовал беспокойство в своем теле. Я не мог больше оставаться сидеть и соскользнул на пол на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Воркующий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я слышал, как дон Хуан поднялся, а затем почувствовал, как он помогает мне сесть. Разговаривать мне не хотелось. Он тоже не говорил ни слова. Я слышал его движения рядом со мной и открыл глаза. Он встал передо мной на колени и рассматривал мое лицо, держа около него лампу. Он велел мне положить руки на живот, а затем поднялся, пошел на кухню и принес воды. Часть ее он плеснул мне в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом со мной и вручил мне мои записки. Я рассказал ему, что звук увел меня в очень болезненные воспоминания.

– Ты индугируешь выше собственных пределов, – сказал он сухо. Казалось, он погрузился в мысли, как бы подыскивая подходящую фразу.

– Проблема сегодняшней ночи в «видении» людей, – сказал он наконец. – сначала ты должен остановить свой внутренний диалог. Затем ты должен вызвать изображение того лица, которое ты хочешь «видеть». Любая мысль, которую держишь в уме в состоянии молчания, равносильна команде, поскольку там нет других мыслей, чтобы конкурировать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь тебе. Эта песня принесет тебе золотую пыль, и ты «увидишь» человека, которого ты выберешь.

Я захотел узнать подробности, но он оборвал меня жестом и приказал мне продолжать.

После нескольких минут борьбы за остановку внутреннего диалога я стал совершенно тихим. Затем я произвольно задержал короткую мысль о моем друге. Я закрыл мои глаза, как мне показалось, всего лишь на мгновение и после этого я понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я осознал это медленно. Я открыл глаза и понял, что я лежу на левом боку. По всей видимости, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне вновь сесть. Он засмеялся. Он изобразил мое храпение и сказал, что если бы он сам не видел, как это произошло, он никогда бы не поверил, что возможно так быстро заснуть. Он сказал, что

для него очень забавно находиться рядом со мной в тот момент, когда я делаю что-либо, что мой рассудок не был способен понять. Он вырвал у меня записную книжку и сказал, что мы должны начать снова.

Я прошел необходимые ступени. Вновь я услышал странный воркующий звук. На этот раз, однако, он исходил не из чапаралья, он, казалось, исходит изнутри меня, словно мои губы, мои ноги или руки издают его. Звук, казалось, поглотил меня. Я чувствовал, как будто какие-то мягкие шарики летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя бомбардируют тяжелыми ватными мячиками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, как я испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта. Снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить кипятильник. Затем я услышал постукивание на окне. Которое я сам закрыл и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как если бы кто-то хотел войти. Я ощутил потрясение испуга. Я поднялся с кресла и почувствовал, что кто-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказал ему свое видение. Оно было столь живым, что я еще дрожал. Я ощущал себя так, как будто бы только что перенесся из-за своего письменного стола во плоти и крови.

Дон Хуан покачал головой с недоверием и сказал, что я гениален в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не поразило то, что я сделал. Он просто отказался это обсуждать и приказал мне смотреть вновь.

Тогда я опять услышал мистический звук. Он приходил ко мне, как и сказал дон Хуан в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, чтобы это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а скорее как сферические пузырьки. Они плыли ко мне. Один из них разорвался, и я увидел сцену. Казалось, что она прыгнула пред моими глазами и раскрылась, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я определенно смотрел на него, и то, что я испытывал, не было сном. Грибоподобный предмет оставался неизменным в поле моего зрения, а затем он подскочил, как если бы свет, который заливал его, был выключен. Последовал перерыв темноты. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем я внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно меня тряс, а я смотрел на него. Должно быть я только что открыл глаза в этот момент.

Он брызнул мне в лицо водой. Холод воды был очень резким. После секундной паузы он захотел узнать, что случилось. Я пересказал ему каждую деталь моего видения.

– Но что я «видел»? – спросил я.

– Твоего друга, – ответил он.

Я засмеялся и терпеливо объяснил, что я видел грибовидную фигуру, хотя у меня нет никаких критериев, чтобы судить о размерах, у меня было ощущение, что ее длина была около фута.

Дон Хуан подчеркнул, что только чувства здесь идут в счет. Он сказал, что мои чувства, которые настроили то состояние существа предмета, которое я видел.

– По твоему описанию и по твоим чувствам я могу заключить, что твой друг должен быть очень красивым человеком, – сказал он. Я был озадачен его словами.

Он сказал, что грибовидные образования были существенной формой человеческих существ, когда маг «видит» их на большом расстоянии. Но когда маг прямо смотрит на человека, которого он «видит», то человеческие качества проявляются как яйцевидное образование светящихся волокон.

– Ты не был лицом к лицу со своим другом, – сказал он, – поэтому он показался тебе

грибом.

– Почему это так, дон Хуан?

– Никто не знает. Просто это тот способ, каким люди являются в этом особом виде «видения».

Он добавил, что каждая черта в грибовидном образовании имеет особое значение, что для начинающего невозможно точно истолковать, что и что значит.

Затем у меня было озадачившее меня воспоминание. Несколькими годами ранее в состоянии необычной реальности, вызванном приемом психотропных растений, я испытал или ощутил, глядя на водный поток, что ко мне плыли пузырьки, которые заглатывали меня. Те золотые пузырьки, которые я только что видел, летели ко мне и охватывали меня точно таким же образом. Фактически я мог сказать, что и те и другие пузырьки имели одинаковую структуру и одинаковый паттерн.

Дон Хуан выслушал мои комментарии без интереса.

– Не трать свою силу на мелочи, – сказал он. – ты имеешь дело с бесконечностью тем.

Движением руки он указал в сторону чапаралья. – Если ты превратишь это величие в разумность, то ничего из этого не получишь. Здесь окружающее нас – сама вечность. И заниматься тем, чтоб уменьшать ее до управляемой чепухи, не только глупо, но и вредно.

Затем он настоял на том, чтобы я попытался «увидеть» другого человека из круга моих знакомых. Он сказал, что когда видение закончится, я должен постараться раскрыть глаза сам и пробиться на поверхность до полного осознания окружающего.

Я добился успеха в том, чтоб удержать вид другой грибообразной формы, но в то время, как первая была желтоватая и небольшая, вторая была беловатой, крупнее и более плотной.

К тому времени, как мы закончили разговор о тех двух формах, которые я «видел», я позабыл о «бабочке в кустах», которая настолько меня занимала совсем недавно до этого. Я сказал дону Хуану, что меня удивляет, что я способен с такой легкостью отбрасывать нечто действительно необыкновенное. Казалось, я стал не тем лицом, которого я знал всегда.

– Не понимаю, почему ты устраиваешь из этого такой шум, – сказал дон Хуан.

– Всегда, когда диалог прекращается, мир разрушается и необычные грани нас самих выходят на поверхность, как если бы они где-то содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь это себе.

После короткого отдыха дон Хуан попросил меня продолжать «вызывать» друзей. Он сказал, что важным пунктом здесь является постараться «видеть» так много раз, как только возможно для того, чтобы установить мостик для чувства.

Я вызвал тридцать двух человек по очереди. После каждой попытки он требовал тщательного и детального описания всего, что я ощутил в своем видении. Однако, он изменил эту процедуру когда я стал более удачно выполнять ее. Судя по тому, что я останавливал внутренний диалог на несколько секунд, и потому, что я восстанавливал обычную деятельность без всякого перехода, я заметил это изменение в то время как мы обсуждали окраску грибовидных образований. Он уже указал на то, что окраска, как я ее называл, была не окраской, а сиянием различной интенсивности. Я уже собирался описать желтоватое сияние, которое только что видел, когда он прервал меня и точно описал, что именно я «видел». Начиная с этого момента, он описывал содержание каждого видения не так, как если бы он понял, что я сказал, но как если бы он «видел» его сам. Когда я попросил его прокомментировать это, он просто отказался говорить об этом вообще.

К тому времени, как я закончил вызывать тридцать двух человек, я сообразил, что «видел» большое разнообразие грибовидных форм и сияний, и испытал большое разнообразие чувств по отношению к ним, начиная от тихого восхищения, кончая откровенным отвращением.

Дон Хуан объяснил, что люди наполнены образованиями, которые могут быть желаниями, печалью, заботами и т.д. Он сказал, что только очень могучий маг может расшифровать значения этих образований и что я должен быть доволен тем, что просто вижу общую форму людей.

Я устал. Было что-то утомительное в этих странных формах. Моим ощущением в целом была неприятная усталость. Она мне не нравилась. Она заставляла меня чувствовать себя пойманным и обреченным.

Дон Хуан командовал мне писать для того, чтобы рассеять ощущение мрачного настроения. После долгого молчания, в течение которого я не мог ничего писать, он попросил меня вызвать тех людей, которых он сам будет выбирать.

Появилась новая серия форм. Они не были похожи на грибы, но похожи более на японские чашечки для сакэ, перевернутые вверх дном. У некоторых было образование, похожее на голову, как ножка у чашечки для сакэ, другие были более округлыми. Их очертания были приятными и спокойными. Я чувствовал, что в них заключалось какое-то врожденное чувство счастья или что-то вроде этого. Они парили, как бы не связанные с земным тяготением, которое приковывало к себе предыдущие формы. Каким-то образом уже один этот факт ослабил мою усталость.

Среди тех людей, которых он выбрал, был его ученик элихио. Когда я вызвал видение элихио, я ощутил толчок, который выбросил меня из состояния наблюдения. Элихио был длинной белой формой, которая дернулась, и, казалось, прыгнула на меня. Дон Хуан объяснил, что элихио очень талантливый ученик и что он без сомнения заметил, что кто-то «видит» его.

Другим в выборе дона Хуана был Паблито, ученик дона Хенаро. Потрясение, которое дало мне видение Паблито, было еще больше, чем потрясение от элихио.

Дон Хуан так сильно смеялся, что слезы потекли у него по щекам.

– Почему эти люди имеют другую форму? – спросил я.

– У них больше личной силы, – заметил он. – как ты мог заметить, они не привязаны к земле.

– Что им дало такую легкость? Они что такими родились?

– Мы все рождаемся такими легкими и парящими. Но становимся прикованными к земле и застывшими. Мы сами себя делаем такими. Поэтому можно, пожалуй, сказать, что эти люди имеют другую форму, потому что они живут как воины. Однако это не важно. Что сейчас важно, так это то, что ты подошел к грани. Ты вызвал сорок семь человек. И тебе осталось вызвать только одного, чтобы завершить полностью первоначальные сорок восемь.

В этот момент я вспомнил, что несколько лет назад он рассказывал мне в разговоре о магии зерна и о колдовстве, что количество ядрышек зерна, которые имеет маг, составляет сорок восемь. Он никогда не объяснял почему. Я спросил его вновь, почему сорок восемь.

– Сорок восемь – это наше число, – сказал он. – именно оно делает нас людьми. Я не знаю, почему. Не трать свою силу на idiotские вопросы.

Он поднялся и потянулся руками и ногами. Он сказал, чтобы я сделал так же. Я заметил, что на востоке появилась светлая полоска неба. Затем мы сели и он приложил свой рот мне к уху.

– Последний человек, которого ты собираешься вызвать, это Хенаро, настоящая звезда, – прошептал он.

Я почувствовал волну любопытства и возбуждения. Я прошел через все требуемые ступени. Странный звук с края чапарала стал живым и приобрел новую силу. Я почти забыл о нем. Золотые пузырьки охватили меня, а затем, в одном из них я увидел самого дона Хенаро. Он стоял передо мной, держа шляпу в руке. Он улыбался. Я поспешно раскрыл глаза и уже

собирался заговорить с доном Хуаном, но прежде чем я успел сказать слово, мое тело отвердело как доска. Все волосы у меня поднялись торчком, и я долгое время не знал, что делать или что сказать. Дон Хенаро стоял прямо передо мной. Лично!

Я повернулся к дону Хуану. Он улыбался. Потом они оба громко расхохотались. Я тоже попытался смеяться, но не смог и поднялся.

Дон Хуан дал мне чашку воды. Автоматически я выпил ее. Я думал, что он плеснет мне воды в лицо, но вместо этого он опять наполнил мне чашку.

Дон Хенаро почесал голову и скрыл усмешку.

– Разве ты не собираешься поздороваться с Хенаро? – спросил дон Хуан.

От меня потребовались грандиозные усилия для того, чтобы организовать свои мысли и чувства. В конце концов я пробормотал дону Хенаро какие-то приветствия. Он поклонился.

– Ты звал меня, не так ли? – спросил он улыбаясь. Я выразил свое удивление от того, что вижу его стоящим тут.

– Он звал тебя, – вставил дон Хуан.

– Что ж, вот и я, – сказал дон Хенаро. – что я могу тебе сделать?

Медленно мой ум, казалось, организовался. И, наконец, ко мне пришло внезапное озарение. Мои мысли стали кристально чистыми, и я понял, что в действительности произошло. Я рассуждал, что дон Хенаро гостил у дона Хуана. И как только они услышали, что моя машина приближается, дон Хенаро убежал в кусты и оставался там, прячась, пока не стемнело. Я считал доказательства убедительными. Дон Хуан, поскольку это он, без сомнения, подстроил все дело, время от времени давал мне намеки, развертывая таким образом спектакль. В нужное время дон Хенаро дал мне заметить свое присутствие, а когда дон Хуан и я шли обратно к дому, он шел позади нас самым очевидным образом, чтобы увеличить мой страх. Затем он ожидал в чапарале и производил странные звуки, когда дон Хуан делал ему знак. Последний сигнал выйти из кустов должно быть был дан доном Хуаном в то время как мои глаза были закрыты, когда он попросил меня «вызвать» дона Хенаро. Тогда дон Хенаро, должно быть, поднялся на веранду и ждал, пока я открою свои глаза, чтобы испугать меня до потери сознания.

Единственным несоответствием в моей логической схеме объяснения было то, что я действительно видел, как человек, прятаящийся в кустах превратился в птицу и что в первый раз я увидел дона Хенаро в золотом пузыре. В моем видении он был одет точно так же, как в действительности. Поскольку я не находил логического способа объяснить все несоответствия, то я заключил, как я всегда делал в подобных случаях, что эмоциональный стресс мог сыграть важную роль в определении того, что «я считал, что видел».

Совершенно невольно я стал смеяться при мысли об их рассчитанной шутке. Я рассказал им о моих умозаключениях. Они раскатисто хохотали. Я честно считал, что их смех их выдает.

– Ты прятался в кустах, не так ли? – спросил я дона Хенаро.

Дон Хуан сел, держа свою голову обеими руками.

– Нет, я не прятался, – сказал дон Хенаро терпеливо. – я находился далеко отсюда, а потом ты позвал, и я пришел повидаться с тобой.

– Где ты был, дон Хенаро?

– Далек.

– Как далеко?

Дон Хуан прервал меня и сказал, что дон Хенаро оказал мне любезность и что я не могу спрашивать его, где он был, потому что он был нигде.

Дон Хенаро стал на мою защиту и сказал, что все в порядке, и я могу его спрашивать о чем угодно.

– Но если ты не прятался около дома, то где ты был, дон Хенаро? – спросил я.

– Я был в моем доме, – сказал он с большой важностью.

– В центральной Мексике?

– Да. Это единственный дом, который у меня есть. Они взглянули друг на друга и опять расхохотались. Я знал, что они дурачат меня, но решил не копаться в этом вопросе дальше. Я подумал, что у них должна быть причина, чтобы производить такие сложные действия. Я сел.

Я чувствовал, что я поистине раздвоился. Одна часть меня совсем не была шокирована и могла принимать любые поступки дон Хуана или дон Хенаро за чистую монету. Но была также другая часть меня, которая совершенно отказывалась. Это была моя самая сильная часть. Моим сознательным заключением было то, что я принял описание мира магами, которое мне дал дон Хуан, только на интеллектуальной основе, в то время как мое тело, как целостность, отказывалось от него. В этом и была моя дилемма. Но затем, с годами моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро, я испытал необычайные явления, и это уже был опыт тела, а не интеллектуальный опыт. Немного ранее, этой же ночью, я выполнил «бег силы», который с точки зрения моего интеллекта являлся невообразимым достижением, и более того, у меня были невероятные видения, появлявшиеся по моему желанию без всяких подручных средств.

Я объяснил им природу своей болезненной и в то же время оправданной затрудненности.

– Этот парень – гений, – сказал дон Хуан дону Хенаро, качая головой в недоверии – ты ужасный гений, Карлитос, – сказал дон Хенаро, как бы передавая мне поручение.

Они уселись по сторонам от меня, дон Хуан справа, а дон Хенаро слева. Дон Хуан заметил, что скоро будет утро. В этот момент я опять услышал зов бабочки. Он передвинулся. Звук шел с противоположного направления. Я посмотрел на них обоих, выдерживая их взгляд. Моя логическая схема начала распадаться. Звук обладал гипнотизирующей глубиной и богатством оттенков. Затем я услышал приглушенные шаги. Мягкие ноги, наступающие на сухую подстилку. Воркующий звук раздался ближе, и я прижался к дону Хуану. Он сухо велел мне «видеть» это. Я сделал огромное усилие не столько, чтобы угодить ему, сколько чтобы угодить себе. Я был уверен, что бабочкой был дон Хенаро, но дон Хенаро сидел рядом со мной. Но что же тогда было в кустах? Бабочка? Воркующий звук эхом отдавался у меня в ушах. Я не мог совершенно прекратить внутренний диалог. Я слышал звук, но не мог чувствовать его в своем теле, как делал это раньше. Я слышал отчетливые шаги. Что-то приближалось в темноте. Послышался громкий треск, как будто кто-то наступил на сухую ветку и внезапно ужасающее воспоминание охватило меня. Несколько лет назад я провел ужасную ночь в диких горах и подвергся нападению чего-то очень легкого и мягкого, которое вновь и вновь наступало мне на шею, в то время как я лежал, скорчившись на земле. Дон Хуан объяснил это событие как встречу с «олли», мистической силой, которую маг выучивается воспринимать как существо.

Я плотнее прислонился к дону Хуану и прошептал о том, что я вспомнил. Дон Хенаро на четвереньках подполз к нам, чтобы быть поближе.

– Что он сказал? – спросил он дон Хуана шепотом.

– Он сказал, что там в кустах олли, – ответил тот тихо.

Дон Хенаро отполз обратно и сел. Затем он повернулся ко мне и сказал громким шепотом: «ты – гений».

Они тихонько засмеялись. Движением подбородка дон Хенаро показал на чапараль.

– Пойди туда и схвати ее. Сними одежду и изгони из этого олли дьявола.

Они затряслись от смеха. Звук тем временем исчез. Дон Хуан приказал мне прекратить мысли, но оставить глаза открытыми, сфокусированными на крае чапаралья передо мной. Он сказал, что бабочка меняет свое положение из-за того, что тут находится дон Хенаро, и что если она собирается показаться мне, то она выберет для этого место прямо передо мной.

После секундной борьбы успокоить мысли я опять услышал звук. Он был богаче, чем когда-

либо. Сначала я услышал приглушенные шаги по сухим веткам, а затем я ощутил их на своем теле. В этот момент я различил темную массу прямо перед собой на краю чапаралья.

Я чувствовал, что меня трясут. Дон Хуан и дон Хенаро стояли передо мной, а я находился на коленях, как если бы я заснул в скорченном положении. Дон Хуан дал мне воды, и я сел опять, прислонившись спиной к стене. Вскоре рассвело. Чапараль, казалось, проснулся. Утренний холодок был освежающим и бодрящим.

Бабочка не была доном Хенаро. Мое разумное построение распадалось. Я больше не хотел задавать вопросы, но и молчать я не хотел. В конце концов мне пришлось заговорить.

– Но если ты был в центральной Мексике, дон Хенаро, то как ты попал сюда?

Дон Хенаро сделал какой-то непонятный и невероятно смешной жест ртом.

– Прости, – сказал он мне. – мой рот не хочет разговаривать.

Затем он повернулся к дону Хуану и сказал улыбаясь:

– Почему ты не расскажешь ему?

Дон Хуан поколебался, а затем сказал, что дон Хенаро как прекрасный артист магии способен на невероятные дела.

Грудь дона Хенаро выпятилась, как будто слова дона Хуана надували ее. Казалось, он вдохнул так много воздуха, что грудная клетка стала в два раза больше. Он, казалось вот-вот взлетит. Он подпрыгнул в воздух. У меня было такое ощущение, что воздух внутри его легких заставил его прыгнуть. Он прошелся взад-вперед по земляному полу до тех пор, пока, видимо, не овладел своей грудной клеткой. Он погладил ее и с большой силой пробежал ладонями рук от грудных мышц к животу, как будто выжимая воздух через внутреннюю трубу. Наконец, он уселся. Дон Хуан улыбался. Его глаза светились откровенным удовольствием.

– Пиши свои заметки, – приказал он мягко. – пиши, пиши, или ты умрешь!

Затем он заметил, что даже дон Хенаро больше не воспринимает мое записывание как нечто столь неземное.

– Это верно, – бросил дон Хенаро. – я подумал о том, чтобы начать писать самому.

– Хенаро – человек знания, – сказал дон Хуан сухо. – а будучи человеком знания, он вполне способен переносить себя на огромные расстояния.

Он напомнил мне, что однажды, несколько лет назад, мы трое были в горах, и дон Хенаро, в попытке помочь мне преодолеть свой глупый рассудок, совершил огромный прыжок на вершины гор, находившихся в десяти милях от нас. Я помнил это событие, но я помнил также, что не мог даже признать того, что он прыгнул.

Дон Хуан добавил, что в определенное время дон Хенаро способен выполнять необычные задачи.

– В определенное время Хенаро – это не Хенаро, а его дубль.

Он повторил это три-четыре раза. Затем они оба стали следить за мной, как бы ожидая моей запоздалой реакции. Я не понял, что он имел в виду под словами «его дубль». Он никогда не упоминал этого раньше. Я попросил разъяснений.

– Есть другой Хенаро, – объяснил он. Мы все трое посмотрели друг на друга. Я очень встревожился. Движением глаз дон Хуан велел мне продолжать разговаривать.

– У тебя есть брат-двойник? – спросил я, поворачиваясь к дону Хенаро.

– Конечно, – сказал он, – у меня есть двойник.

Я не мог определить, шутят они надо мной или нет. Оба они хихикали с беззаботностью детей, которые делают какую-то шалость.

– Можно сказать, – продолжал дон Хуан, – что в настоящий момент Хенаро – это его двойник.

Это заявление повалило их обоих на землю от хохота. Но я не мог примкнуть к их веселью.

Мое тело невольно дрожало. Дон Хуан сказал жестким тоном, что я слишком тяжел и слишком ощущаю важность самого себя.

– Отпустишь, – скомандовал он сухо. – ты знаешь, что Хенаро маг и неуязвимый воин, поэтому он способен выполнять дела, которые были бы немислимы для среднего человека. Его двойник – другой Хенаро – одно из его дел.

Я был бессловесен. Я не мог воспринять, что они просто надо мной шутят.

– Для воина, подобного Хенаро, – продолжал он, – произвести другого не такая уж далеко идущая задача.

После долгих раздумий, что сказать теперь, я спросил:

– А тот, другой, такой же как он сам?

– Другой и есть он сам, – ответил дон Хуан.

Его объяснение приняло невероятный поворот и, однако же, оно не было более невероятным, чем все то, что они делали.

– А из чего сделан другой? – спросил я дона Хуана после минутной нерешительности.

– Этого невозможно знать, – сказал он.

– Он реален или просто иллюзия?

– Реален, конечно.

– Можно ли тогда сказать, что он сделан из плоти и крови?

– Нет это было бы невозможно, – ответил дон Хенаро.

– Но если он такой же реальный, как я...

– Такой же реальный как ты, – дон Хуан и дон Хенаро вставили в один голос они взглянули друг на друга и смеялись, пока я не подумал, что им станет плохо. Дон Хенаро бросил свою шляпу на пол и танцевал вокруг нее. Его танец был сложным, грациозным и по какой-то совершенно необъяснимой причине очень смешным. Наверное юмор был в исключительно «профессиональных» движениях, которые он выполнял. Несоответствие было столь тонким и в то же время было столь заметным, что я скорчился от смеха.

– Беда с тобой, Карлитос, – сказал он после того, как сел вновь, – состоит в том, что ты гений.

– Я должен узнать о дубле, – сказал я.

– Невозможно узнать, состоит ли он из плоти и крови, – сказал дон Хуан, – потому что он не такой же реальный как и ты. Дубль Хенаро такой же реальный как Хенаро, видишь, что я имею в виду?

– Но ты должен признать, дон Хуан, что должен быть способ узнать.

– Дубль – это он сам. Это объяснение должно удовлетворять. Если бы ты «видел» однако, то ты бы знал, что есть очень большая разница между Хенаро и его дублем. Для мага, который «видит», дубль ярче.

Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы задавать еще вопросы. Я положил блокнот и на мгновение мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Поле зрения мое сузилось, став как бы туннелем. Все вокруг было темно за исключением круглого пятна ясной видимости прямо перед глазами.

Дон Хуан сказал, что мне надо поесть. Я не был голоден. Дон Хенаро заявил, что он умирает от голода, встал и отправился в заднюю часть дома. Дон Хуан тоже поднялся и сделал мне знак идти следом. На кухне дон Хенаро положил себе еды, а затем погрузился в крайне комическое изображение человека, который хочет есть, но не может проглотить. Я думал, что дон Хуан сейчас умрет. Он рычал, брыкал ногами, кричал, кашлял и задыхался от смеха. Мне казалось, что я тоже сейчас надорву себе бока. Игра дона Хенаро была бесценной.

Наконец он отказался от своих попыток и взглянул по очереди на дона Хуана и на меня. Его

блестящие глаза излучали улыбку.

– Не помогает, – сказал он, пожимая плечами.

Я съел огромное количество пищи так же, как и дон Хуан. Затем все мы вернулись на веранду перед домом. Солнечный свет был очень яркий, небо было чистым и утренний ветерок освежал. Я чувствовал себя сильным и счастливым. Мы сели треугольником лицом друг к другу. После вежливого молчания я попросил их прояснить мою проблему. Я опять чувствовал себя в отличной форме и хотел использовать свою силу.

– Расскажи мне еще о дубле, дон Хуан, – попросил я.

Дон Хуан указал на дона Хенаро, и дон Хенаро поклонился.

– Вот он, – сказал дон Хуан. – тут нечего говорить. Он здесь, ты можешь смотреть на него.

– Но он – дон Хенаро, – сказал я и пожал плечами. – Что же тогда дубль, дон Хенаро? – спросил я.

– Спроси его, – сказал он указывая на дона Хуана. – он тот, кто разговаривает, а я – немой.

– Дубль – это сам маг, развившийся через его сновидения, – объяснил дон Хуан. – Дубль – это действие силы для мага, но только сказка о силе для тебя. В случае с Хенаро его дубль не отличим от оригинала. Это потому, что его неуязвимость как воина – наивысшая. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, которые ты его знаешь, ты был с оригинальным Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем.

– Но это противостоит природе! – воскликнул я.

Я чувствовал, что в груди у меня растет тревога, я так возбудился, что уронил блокнот, и мой карандаш куда-то закатился. Дон Хуан и дон Хенаро практически нырнули на землю и начали чрезвычайно преувеличенные поиски его. Я никогда не видел более поразительного представления театрального фокусника с ассистентом. Разве что здесь не было сцены или декорации, или любого типа реквизита и скорее всего исполнители не применяли при этом хитрость рук.

Дон Хенаро, главный фокусник и его ассистент дон Хуан в несколько секунд извлекли поразительное разнообразие самых невероятных предметов, которые они находили под или за, или над любым объектом, находящимся на веранде.

В стиле эстрадного фокусника ассистент раскладывал предметы, которые в данном случае были несколькими вещами на грязном полу: камни, мешки, куски дерева, молочная фляга, лампа и мой пиджак. Затем фокусник дон Хенаро приступал к поискам предмета, который он выбрасывал как только убеждался, что это не мой карандаш. Коллекция найденных предметов включала одежду, парики, очки, игрушки, поварешку, шестерни машин, женское нижнее белье, человеческие зубы, сэндвичи и религиозные предметы. Один из них был совершенно отвратителен – это был кусок плотных человеческих экскрементов, который дон Хенаро извлек из-под моего пиджака. Наконец, дон Хенаро нашел мой карандаш и вручил его мне после того, как обтер с него пыль полкой своей рубашки. Они отметили свою клоунаду криками и смехом. Я оказался наблюдателем, который не мог к ним присоединиться.

– Не принимай вещи так серьезно, Карлитос, – сказал дон Хенаро с оттенком участия. – иначе ты сделаешь...

Он сделал смешной жест, который мог означать все, что хочешь.

После того, как утих их смех, я спросил у дона Хенаро, что дубль делает или что маг делает своим дублем. Дон Хуан ответил. Он сказал, что дубль имеет силу и что она используется для того, чтобы выполнять задачи, которые были бы невообразимы в обычных условиях.

– Я уже неоднократно говорил тебе, что мир неизмерим, – сказал он мне. – И точно также мы, и точно также каждое существо, которое существует в мире. Поэтому невозможно представить дубля разумом, однако, тебе было позволено смотреть на него, и это должно быть

более чем достаточно.

– Но есть же какой-нибудь способ говорить о нем? – сказал я.

– Ты сам говорил мне, что ты объяснил свой разговор с оленем для того, чтобы говорить со мной. Не можешь ли ты то же самое сделать с дублем?

Он помолчал. Я упрасивал его. Нетерпение, которое я испытывал, было несравнимо ни с чем, через что я прошел.

– Что же, маг может раздвоиться, – сказал дон Хуан. – это все, что можно сказать.

– Но осознает ли он, что он раздвоился?

– Конечно, он осознает это.

– Он знает, что он одновременно в двух местах?

Они оба посмотрели на меня и обменялись взглядами.

– Где другой дон Хенаро? – спросил я.

Дон Хенаро наклонился ко мне и уставился мне в глаза.

– Я не знаю, – сказал он мягко. – ни один маг не знает, где находится его другой.

– Хенаро прав, – сказал дон Хуан. – у мага нет данных о том, что он находится в двух местах сразу. Ощущать это было бы равносильно тому, чтобы встретиться со своим дублем лицом к лицу, а маг, который сталкивается лицом к лицу с самим собой – мертвый маг. Таков закон. Таким образом сила расположила вещи. И никто не знает почему.

Дон Хуан объяснил, что к тому времени, как воин победит сновидение и видение и разовьет дубля, он должен также преуспеть в стирании личной истории, важности самого себя и распорядка жизни. Он сказал, что вся та техника, которой он меня обучил и которую я рассматривал как пустой разговор, являлась в сущности средствами для устранения непрактичности существования дубля в обычном мире, и заключалась в том, чтобы сделать меня самого и мир текучим, поместив все это за пределы предсказания.

– Текучий воин не может больше иметь мир в хронологическом порядке, – объяснил дон Хуан. – и для него мир и он сам не являются больше предметами. Он – светящееся существо в светящемся мире. Дубль – это простое дело для мага, потому что он знает, что делает. Записывание – это простое дело для тебя, но ты все еще пугаешь Хенаро своим карандашом.

Может ли сторонний наблюдатель, глядя на мага, видеть, что он находится в двух местах одновременно? – спросил я дон Хуана.

– Конечно, это было бы единственным способом узнать.

– Но разве нельзя логически заключить, что маг тоже может заметить, что он находится в двух местах?

– Ага! – воскликнул дон Хуан. – на этот раз ты прав. Маг конечно, может заметить впоследствии, что он был в двух местах сразу. Но это только регистрация, и она никак не соотносится с тем фактом, что пока он действует, он не ощущает свою двойственность.

Мои мысли путались. Я чувствовал, что если я перестану писать, то я взорвусь.

– Подумай вот о чем, – продолжал он. – мир не отдается нам прямо. Между ним и нами находится описание мира. Поэтому правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем – он покрутил рукой, давая мне почувствовать, что он имеет в виду.

– Но если весь наш опыт мира – это воспоминание, тогда совсем не будет странно заключить, что маг может быть в двух местах сразу. Не то, чтобы с точки зрения его собственного восприятия, потому что для того, чтобы воспринимать мир, маг подобно любому другому человеку, должен вспоминать поступок, который он только что совершил, события, свидетелем которых он был, опыт, который только что пережил. В его сознании только одно

воспоминание, но для стороннего наблюдателя смотрящего на мага, может казаться, что маг действует одновременно в двух различных эпизодах. Маг, однако, вспоминает два отдельных единых мгновения, потому что клей его описания времени не связывает его больше!

Когда дон Хуан закончил говорить, я был уверен, что у меня поднимается температура.

Дон Хенаро рассмотрел меня любопытными глазами.

– Он прав, – сказал он. – мы всегда на один прыжок позади.

Он стал двигать руками так, как перед этим делал дон Хуан. Его тело начало дергаться, и он отпрыгнул назад сидя. Казалось, у него была икота и каждый ик заставлял его тело прыгнуть назад. Он начал двигаться назад, прыгая на зад, и пропрыгал до конца веранды, а потом обратно.

Вид дон Хенаро, прыгающего назад на ягодицах вместо того, чтобы быть забавным, как это должно было быть, привел меня в такой ужас, что дону Хуану пришлось меня несколько раз ударить костяшками пальцев по лбу.

– Я просто не могу ухватить всего этого, – сказал я.

– И я тоже не могу, – ответил дон Хуан, пожимая плечами.

– И я тоже не могу, дорогой Карлитос, – добавил дон Хенаро.

Моя усталость, весь объем чувственных восприятий, то настроение легкости и юмора, которое превалировало, и клоунада дон Хенаро были слишком большой нагрузкой для моих нервов. Я не мог прекратить возбуждения в мышцах моего живота.

Дон Хуан заставил меня покататься по земле до тех пор, пока я не восстановил свое спокойствие. Затем я опять сел, глядя на них.

– Дубль материален? – спросил я дон Хуана после долгого молчания.

Они посмотрели на меня.

– Есть ли у дубля материальное тело? – спросил я.

– Определенно, – сказал дон Хуан. – плотность, материальность – это воспоминания.

Поэтому, как и все остальное, что мы ощущаем в мире, они являются той памятью, которую мы накапливаем. Память об описании. У тебя есть память о коммуникации посредством слов. Поэтому ты разговаривал с койотом и ощущаешь меня, как материального.

Дон Хуан пододвинул ко мне свое плечо и слегка толкнул меня.

– Потрогай меня, – сказал он.

Я похлопал, а затем обнял его. Я был близок к слезам.

Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне поближе. Он был похож на маленького ребенка с блестящими шаловливыми глазами. Он надул губы и долго смотрел на меня.

– А как же я? – спросил он, пытаясь скрыть улыбку. – разве ты не собираешься меня тоже обнять?

Я поднялся и вытянул руки, чтоб коснуться его. Мое тело, казалось, застыло на месте, у меня не было сил двинуться. Я попытался свои руки заставить коснуться его, но моя борьба была напрасной. Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом, наблюдая за мной. Я чувствовал, что мое тело сотрясается под неизвестной тяжестью.

Дон Хенаро сел и притворился обиженным, потому что я его не обнял. Он скреб землю пятками и пинал ее ногами, затем оба они покатались со смеху.

Мышцы моего живота дрожали, заставляя сотрясаться все мое тело. Дон Хуан отметил, что я двигаю головой так, как он рекомендовал мне ранее. И что это шанс успокоиться, отражая луч света уголками глаз. Он силой вытащил меня из-под крыши веранды на открытый участок и повернул мое тело в такое положение, чтобы на глаза попадал солнечный свет, идущий с востока. Но к тому времени, как он установил мое тело, я перестал дрожать. Я заметил, что сжимаю свой блокнот, только после того, как дон Хенаро сказал, что тяжесть бумаги заставляет

меня дрожать.

Я сказал дону Хуану, что мое тело толкает меня уехать. Я помахал рукой дону Хенаро. Я не хотел дать им времени уговорить себя.

– До свидания, дон Хенаро, – закричал я. – мне сейчас нужно ехать.

Он помахал мне в ответ. Дон Хуан прошел со мной несколько метров к машине.

– У тебя тоже есть дубль, дон Хуан? – спросил я.

– Конечно! – воскликнул он.

В этот миг мне пришла в голову сводящая с ума мысль. Я хотел отбросить ее и поспешно уехать, но что-то внутри меня не давало покоя. В течение многих лет нашей связи для меня стало обычным, что каждый раз, когда я хотел видеть дона Хуана, мне нужно было просто приехать в сонору или в центральную Мексику, и я всегда находил его, ожидающим меня. Я научился принимать это как само собой разумеющееся, и до сих пор мне никогда не приходило в голову что-либо думать об этом.

– Скажи мне что-нибудь, дон Хуан, – сказал я полушутя. – ты – сам, или ты – твой дубль?

Он наклонился ко мне улыбаясь. «Мой дубль», – прошептал он.

Мое тело взметнулось в воздух, как будто меня подбросили с ужасающей силой. Я помчался к своей машине.

– Я просто пошутил, – сказал дон Хуан громким голосом. – ты еще не можешь уехать, ты еще должен мне пять дней.

Они оба побежали к моей машине, пока я выруливал. Они хохотали и подпрыгивали.

– Карлитос, вызывай меня в любое время, – закричал дон Хенаро.

2. Видящий сон и видимый во сне

Я подъехал к дому дона Хуана и прибыл туда ранним утром. Ночь я провел в мотеле так, чтобы выехать с рассветом и приехать к его дому до полудня. Дон Хуан был в задней части дома и вышел ко мне, когда я его позвал. Он тепло меня приветствовал и выразил, что рад видеть меня. Он сделал замечание, которое, как я думал, должно было заставить меня почувствовать себя легко, но произвело противоположное действие.

– Я слышал, что ты подъезжаешь, – сказал он и улыбнулся. – и убежал в заднюю часть дома. Я боялся, что если я останусь здесь, то ты испугаешься. Он заметил, что я мрачен и тяжел. Он сказал, что я напоминаю ему элихию, который был достаточно угрюм, чтобы быть хорошим магом, но слишком угрюм, чтобы стать человеком знания. Он сказал, что единственным способом отразить разрушающее действие мира магов, будет смеяться над ним.

Он был прав в своей оценке моего настроения. Я действительно был озабочен и испуган. Мы отправились в длинную прогулку. Понадобилось несколько часов, чтобы мои чувства успокоились. Прогулка с ним дала мне более хорошее самочувствие, чем если бы он попытался разговором развеять мою мрачность.

Мы вернулись к его дому в конце дня. Я был голоден. Поев, мы уселись на его веранде. Небо было чистым, дневной свет навевал покой, я хотел разговаривать.

– Я несколько месяцев чувствовал себя не в своей тарелке, – сказал я. – было что-то очень пугающее в том, что делали вы с доном Хенаро в последний раз, когда я здесь был
Дон Хуан ничего не сказал. Он поднялся и обошел вокруг веранды.

– Я должен поговорить об этом, – сказал я. – это ставит меня в тупик, и я не могу перестать размышлять об этом.

– Ты боишься? – спросил он.

Я не боялся, но был ошеломлен, перегружен тем, что я увидел и услышал. Дыры в моем рассудке были такими гигантскими, что я должен был или чинить их или выбросить свой рассудок совершенно.

Мои замечания рассмешили его.

– Не выбрасывай пока что свой рассудок, – сказал он. – не время для этого. Хотя это и произойдет, но я не думаю, что сейчас как раз тот момент.

– Нужно ли мне пытаться найти объяснение тому, что случилось?

– Конечно, – ответил он. – это твой долг – успокоить свой ум. Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головой об стенку, а потому что они берут эти стены. Они не преуменьшают их.

– Как же я могу перепрыгнуть через эту? – спросил я.

– Рассматривать все таким образом, – сказал он, садясь рядом со мной. – Есть три рода плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, когда встречаемся с необычными жизненными ситуациями. Во-первых, мы можем отрицать то, что происходит или произошло, и чувствовать, что этого как бы вообще никогда не было.

Это путь фанатика. Второе – мы можем все принимать за чистую монету, как будто мы знаем, что происходит. Это путь набожного человека. Третье – мы можем приходить в замешательство перед событием, потому что мы и не можем его отбросить, и не можем чистосердечно принять. Это путь дурака. Твой путь – есть четвертый: правильный – путь воина. Воин действует так, как если бы никогда и ничего не случилось, потому что он ни во что не верит. И однако же, он принимает все за чистую монету. Он принимает, не принимая, и отбрасывает, не отбрасывая. Он никогда не чувствует себя знающим и в то же время он никогда

себя не чувствует так, как если бы никогда ничего не случилось. Он действует так, как будто он в полном контроле, даже хотя у него может быть сердце ушло в пятки. Если действуешь таким образом, то замешательство рассеивается. Мы долгое время молчали. Слова дона Хуана были для меня подобны бальзаму.

– Могу я говорить о доне Хенаро и его дубле? – спросил я.

– Это зависит от того, что ты хочешь сказать о нем, – ответил он. – ты хочешь индугировать в том, что ты в замешательстве?

– Я хочу индугировать в объяснениях, – сказал я. – я в замешательстве потому, что не смел прийти тебя увидеть и не мог поговорить о своих затруднениях и сомнениях с кем-либо.

– Разве ты не говоришь со своими друзьями?

– Я говорю, но как они могут мне помочь?

– Я никогда не думал, что тебе нужна помощь. Ты должен культивировать чувство, что воин не нуждается ни в чем. Ты говоришь, что тебе нужна помощь. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для того экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь. Я пытался научить тебя тому, что реальным опытом должен быть человек, и что то, что важно, так это быть живым. Жизнь – маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Воин понимает это и живет соответственно. Поэтому можно сказать, без предвзятости, что опыт всех опытов – это быть воином.

Казалось, он ждал, что я что-нибудь скажу. Я секунду колебался. Я хотел тщательно подобрать слова.

– Если воину нужно утешение, – продолжал он. – он просто выбирает любого и выражает этому человеку все детали своего замешательства. В конце концов воин не ищет того, чтобы его поняли или помогли. Говоря, он просто снимает с себя свой груз. Но это при том условии, что у воина есть талант к разговору. Если у него нет такого таланта, то он не говорит ни с кем. Но ты живешь не совсем как воин, по крайней мере пока что. И провалы, которые ты встречаешь, должны действительно быть монументальными. Я тебе сочувствую.

Он не был рассеянным или поверхностным. Судя по участию в его глазах, казалось, он находился здесь сам собой. Он поднялся и погладил меня по голове. Пройдя взад-вперед по веранде, он спокойно осмотрел чапараль вокруг дома. Его движения пробудили во мне чувство беспокойства.

Для того, чтобы расслабиться, я начал говорить о своей проблеме. Я чувствовал, что для меня уже абсолютно поздно притворяться невинным наблюдателем. Под его руководством я натренировался достигать странных восприятий, таких как «остановка внутреннего диалога» и контролирование своих снов. Это были такие моменты, которые нельзя было подстроить или сбросить с весов. Я следовал его советам, хотя и не всегда буквально, и частично преуспел в разрушении распорядка дня, принятия ответственности за свои поступки, стирании личной истории и, наконец, пришел к тому, что несколько лет назад приводило меня в ужас. Я смог оставаться один без нарушения моего физического или эмоционального самочувствия. Пожалуй, это был мой единственный наиболее поразительный триумф. С точки зрения моих прежних предположений и настроений, находиться в одиночестве и «не сойти с ума» было немислимым состоянием. Я остро чувствовал все изменения, которые произошли в моей жизни и в моем взгляде на мир. И я осознавал также, что быть настолько затронутым откровением дона Хуана и дона Хенаро о дубле, является в какой-то мере чрезмерным.

– Что со мной не так, дон Хуан? – спросил я.

– Ты индугируешь, – бросил он. – ты считаешь, что индугировать в сомнениях и размышлениях, это признак чувствительного человека. Что ж, истина состоит в том, что ты

дальше всего находишься от того, чтобы быть чувствительным. Поэтому зачем же притворяться? Я говорил тебе в тот день, что воин принимает в смирении то, что он есть.

– Твои слова звучат так, как если бы я намеренно вводил себя в заблуждение, – сказал я.

– Мы намеренно вводим себя в заблуждение, – сказал он. – мы осознаем свои поступки. Наш умишко намеренно превращает себя в монстра, которым он себя считает. Однако, он слишком мал для такой большой формы.

Я объяснил ему, что моя проблема, пожалуй, более сложна, чем то, во что он ее превращает.

Я сказал, что до тех пор, пока он и дон Хенаро были людьми, подобными мне, их высший контроль делал их моделями для моего собственного поведения. Но если они являются людьми в сущности совершенно отличными от меня, то я не могу больше воспринимать их как модели, а только как странности, которым я, конечно, не могу подражать.

– Хенаро – человек, – сказал дон Хуан ободряющим тоном. – правда, он уже больше не такой же человек как ты, но это его достижение и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

– Но его отличие, это нечеловеческое отличие, – сказал я.

– А что же, ты думаешь, это есть? Различие между человеком и лошастью?

– Не знаю, но он не такой как я.

– Однако, одно время он был таким.

– Не могу ли я понять его изменения?

– Конечно, ты сам меняешься.

– Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?

– Никто не развивает дубля. Это просто способ говорить об этом. Ты из-за всех своих разговоров, являешься мешком слов. Ты – в сетях их значений. Сейчас ты думаешь, что дубля развивают какими-нибудь злыми чарами, я полагаю. Все мы, светящиеся существа, имеем дубля. Все мы! Воин учится осознавать это, и все. Есть, видимо, непереходимые барьеры, охраняющие это осознание, но этого можно было ожидать. Эти барьеры являются тем, что делает такое осознание уникальной задачей.

– Почему я этого так боюсь, дон Хуан?

– Потому что ты думаешь, что дубль это то, что говорят слова. Двойник, или другой ты. Я выбираю эти слова, чтобы описать это. Дубль – это ты сам. И к нему нельзя подходить никаким другим образом.

– Что если я не хочу его иметь?

– Дубль – это не дело личного выбора. Точно также, как не от личного выбора зависит, кто отбирается учиться знанию магов, которое ведет к такому осознанию. Ты когда-нибудь задавал себе вопрос, почему именно ты?

– Все время. Я сотни раз задавал тебе этот вопрос, но ты так и не ответил.

– Я не имел в виду, что ты должен задавать этот вопрос как требующий ответа. А в смысле размышления воина над его огромной удачей. Удачей от того, что он нашел вызов.

– Превратить это в обыкновенный вопрос – это средство обычных рассудительных людей, которые хотят, чтобы ими или восхищались, или чтобы их жалели. Я не интересуюсь такого рода вопросом, потому что нет способа ответить на него. Решение выбрать тебя было решением силы. Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не можешь сделать, чтобы остановить выполнение этого плана.

– Но ты сам мне говорил, дон Хуан, что всегда можно упасть.

– Это верно. Всегда можно упасть. Но я думаю, что ты имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь найти путь к отступлению. Ты хочешь иметь свободу упасть и закончить все на собственных условиях. Слишком поздно для этого. Воин находится в руках силы и его

единственная свобода заключается в том, чтобы избрать неуязвимую жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок может хотеть, чтобы ты упал и проиграл битву совершенно, чтобы отказаться от целостности себя. Но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем. Он начал мягко смеяться.

– Почему ты смеешься? – спросил я.

– Ты в ужасном положении, – сказал он. – Для тебя слишком поздно возвращаться, но слишком рано действовать. Все, что ты можешь – это только наблюдать. Ты в жалком положении ребенка, который не может вернуться в материнское чрево, но в то же время не может ни побегать вокруг, ни действовать. Все, что может ребенок, это наблюдать и слушать поразительные рассказы о действиях, которые ему рассказывают. Ты сейчас как раз в таком положении. Ты не можешь вернуться в чрево своего прежнего мира, но в то же время ты и не можешь действовать с силой. Для тебя есть только наблюдение за поступками силы и выслушивание сказок, сказок о силе.

– Дубль – это одна из этих сказок. Ты это знаешь и именно поэтому твой рассудок этим настолько захвачен. Ты бьешься головой о стену, если притворяешься понимающим. Все, что я могу об этом сказать в виде объяснения, так это то, что дубль, хотя к нему и приходят через сновидения, настолько реален, насколько это только может быть.

– Согласно тому, что ты мне рассказал, дон Хуан, дубль может совершать поступки. Может ли в таком случае дубль?..

Он не дал мне закончить мою линию мысли. Он напомнил мне, что неуместно говорить, что это он рассказал мне о дубле, если я могу сказать, что видел его сам.

– Конечно, дубль может совершать поступки, – сказал я.

– Конечно! – ответил он.

– Но может ли дубль действовать от самого себя?

– Это он сам, проклятие! Мне было очень трудно объяснить свою мысль. Я хотел сказать, что если маг может совершать два поступка одновременно, то его способность к утилитарному производству удваивается. Он может работать на двух работах, быть в двух местах, видеть двух людей и т.д. сразу. Дон Хуан терпеливо слушал.

– Позволь мне сказать так, – продолжал я. – гипотетически, может ли дон Хенаро убить, позволив это сделать своему дублю?

Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и отвел глаза в сторону.

– Ты набит сказками о насилии, – сказал он. – Хенаро никого не может убить, просто потому что у него более не осталось заинтересованности в окружающих его людях. К тому времени, когда воин способен победить видение и сновидение, и осознает свое свечение, в нем не остается подобных интересов.

Я указал на то, что в начале моего ученичества он заявил, что маг, направляемый своим олли может быть перенесен за сотни миль, чтобы нанести удар своему врагу.

– Я ответственен в твоём замешательстве, – сказал он, – но ты должен вспомнить, что в другой раз я рассказывал тебе, что с тобой я не следую той последовательности, которую мне предписывал мой собственный учитель. Он был магом, и мне следовало бы на самом деле толкнуть тебя в тот мир. Я этого не сделал, потому что меня не заботят больше подъемы и падения окружающих меня людей. Однако, слова моего учителя запали в меня. И я неоднократно разговаривал с тобой в той манере, в которой он сам бы говорил со мной. Хенаро человек знания. Самый чистый из всех их. Его поступки неуязвимы. Он вне обычных людей и вне магов. Его дубль – это выражение его радости и его юмора. Таким образом он, пожалуй, не

сможет использовать его для создания или разрешения ординарных ситуаций. Насколько я знаю, дубль это сознание нашего состояния как светящихся существ. Он может делать все, что угодно и тем не менее он предпочитает быть ненавязчивым и мягким.

– Моей ошибкой было ввести тебя в заблуждение заимствованными словами. Мой учитель был не способен производить те эффекты, которые создает Хенаро. Для моего учителя, к несчастью, некоторые вещи были так же, как и для тебя, только сказками о силе.

Я почувствовал себя обязанным отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что говорил в гипотетическом смысле.

– Не существует гипотетического смысла, когда ты говоришь о мире людей знания. Человек знания, пожалуй, не может действовать по отношению к окружающим людям каким-либо вредным образом. Гипотетически или как бы там ни было иначе.

– Но что если окружающие люди замышляют что-то против его безопасности и здоровья. Может ли он тогда использовать своего дубля для собственной защиты?

Он щелкнул языком в неодобрении.

– Что за невероятное насилие в твоих мыслях, – сказал он. – никто не может замышлять против безопасности и здоровья человека знания. Он видит, поэтому он предпримет шаги, чтобы избежать всего подобного.

– Хенаро, например, предпринял рассчитанный риск, встречаясь с тобой. Однако нет ничего такого, что ты мог бы сделать, угрожающее его безопасности. Если что-то такое есть, то его видение даст ему знать. Наконец, если есть в тебе что-либо врожденно вредное для него, и его видение не может до этого добраться, тогда это его судьба, и ни Хенаро, ни кто другой не сможет избежать этого. Так что, как видишь, человек знания все контролирует, не контролируя ничего.

Мы помолчали. Солнце почти коснулось верхушек густых высоких кустов с западной стороны дома. До захода солнца еще оставалось около двух часов.

– Почему ты не позовешь Хенаро? – спросил дон Хуан невзначай.

Мое тело подпрыгнуло. Моей первоначальной реакцией было бросить все и бежать к машине. Дон Хуан расхохотался. Я сказал ему, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать что-либо самому себе, и что я вполне удовлетворен тем, что разговариваю с ним. Дон Хуан не мог перестать смеяться. Наконец он сказал, что это позор, что дон Хенаро не может насладиться такой великолепной сценой.

– Видишь ли, если тебе не интересно позвать Хенаро, то мне интересно, – сказал он решительным тоном. – мне нравится его компания.

Во рту у меня появился ужасно кислый привкус. Капли пота побежали у меня с бровей и с верхней губы. Я хотел что-нибудь сказать, но сказать было действительно нечего.

Дон Хуан бросил на меня долгий изучающий взгляд.

– Давай, – сказал он. – воин всегда готов. Быть воином это не значит просто желать им быть. Это скорее бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента нашей жизни. Никто не рождается воином. Точно так же, как никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем или другим. Подтянись, я не хочу, чтобы Хенаро увидел тебя таким дрожащим.

Он поднялся и прошелся взад-вперед по чистому полу веранды. Я не мог остаться бесстрастным. Моя нервозность была настолько интенсивной, что я не мог больше писать и вскочил на ноги.

Дон Хуан заставил меня бежать на месте, обратясь лицом к западу. Он заставлял меня делать такие же движения ранее в различных обстоятельствах. Идея состояла в том, чтобы извлечь силу из сгущающихся сумерек, подняв руки к небу с расставленными пальцами как веер,

а затем сжимать их с силой, когда руки находятся в средней точке между горизонтом и зенитом.

Упражнение подействовало, и я почти сразу успокоился и подтянулся. Однако я не мог не удивиться тому, что случилось со «старым мной», который никогда не мог расслабиться настолько полно, выполняя эти простые и идиотские движения.

Я хотел сконцентрировать все свое внимание на той процедуре, которой дон Хуан, без сомнения, последует, чтобы вызвать дону Хенаро. Я ожидал каких-нибудь потрясающих поступков. Дон Хуан встал на краю веранды лицом к юго-востоку, прижал руки ко рту и закричал: «Хенаро! Приди сюда!»

Секундой спустя Хенаро вышел из чапарала. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной. Дон Хенаро очень приветливо приветствовал меня, а затем уселся на молочную флягу.

Что-то было ужасно не так со мной. Я был спокоен, не озадачен, какое-то невероятное состояние безразличия и оцепенения охватило все мое существо. Казалось, я сам наблюдаю за собой из какого-то укромного места. Бесцеремонным образом я стал рассказывать дону Хенаро, что во время своего последнего визита он испугал меня чуть ли не до смерти, и что даже во время моего опыта с психотропными растениями я не бывал в состоянии такого полного хаоса. Они оба приветствовали мои заявления как будто я делал их, чтобы намеренно рассмешить. Я засмеялся вместе с ними.

Очевидно они сознавали состояние моей эмоциональной онемелости. Они наблюдали за мной, подшучивали надо мной, как если бы я был пьяным. Что-то во мне отчаянно билось, чтобы обратить ситуацию во что-либо знакомое. Я хотел быть озабоченным и испуганным.

В конце концов дон Хуан плеснул мне в лицо воды и сказал, чтобы я сел и записывал. Он сказал, как делал это и раньше, что или я буду записывать, или я умру. Простое действие записывания нескольких слов вернуло назад мое знакомое настроение. Казалось, что-то опять стало кристально чистым. Что-то такое, что секундой ранее было мутным и немым.

Пробуждение моего обычного меня означало также пробуждение моих обычных страхов. Как ни странно, я менее боялся бояться, чем быть испуганным. Знакомость моих старых привычек в независимости от того, какими неприятными они были, была восхитительным лекарством.

Я полностью сообразил тогда, что дон Хенаро просто вышел из чапарала. Мои обычные процессы начали функционировать. Я начал с того, что отказался думать или рассуждать о событии. Я пришел к решению, ни о чем его не расспрашивать. На этот раз я собирался быть молчаливым свидетелем.

– Хенаро прибыл опять исключительно для тебя, – сказал дон Хуан. Дон Хенаро опирался о стену дома, прислонившись к ней спиной, в то время как сидел на прогнутой молочной фляге. Он выглядел так, как будто ехал верхом на лошади. Руки его находились перед ним, создавая впечатление, что он держит уздечку коня.

– Это правда, Карлитос, – сказал он и остановил молочную флягу на землю.

Он спешил, перекинув правую ногу через воображаемую шею лошади, а затем прыгнул на землю. Его движения были столь совершенны, что дали мне безусловное впечатление, будто он прибыл верхом. Он подошел ко мне и сел слева.

– Хенаро пришел, потому что он хочет рассказать тебе о другом, – сказал дон Хуан. Он сделал так, будто уступал дону Хенаро трибуну. Дон Хенаро поклонился. Он слегка повернулся, чтобы быть лицом ко мне.

– Что ты хочешь знать, Карлитос? – спросил он высоким голосом.

– Хорошо, если ты собираешься рассказать мне о дубле, то рассказывай мне все, – сказал я, разыгрывая беззаботность.

Они оба покачали головой и посмотрели друг на друга.

– Хенаро собирается рассказать тебе о видящем сон и видимом во сне, – сказал дон Хуан.

– Как ты знаешь, Карлитос, – сказал дон Хенаро в тоне оратора, делающего разминку, – дубль начинается в сновидении.

Он бросил на меня долгий взгляд и улыбнулся. Его глаза скользнули с моего лица на записную книжку и карандаш.

– Дубль – это сон, – сказал он, вытягивая руки, а затем встал. Он прошел к краю веранды и вошел в чапараль. Он стоял рядом с кустом, повернувшись к нам на три четверти профиля. Видимо, он мочился. Через секунду я заметил, что с ним что-то неладно. Казалось, он отчаянно пытается помочиться и не может. Смех дона Хуана был намеком на то, что дон Хенаро опять шутит. Дон Хенаро изгибал свое тело таким комическим образом, что привел меня и дона Хуана в настоящую истерику.

Дон Хенаро вернулся обратно на веранду и сел. Его улыбка излучала редкую теплоту.

– Когда ты не можешь, то уж просто не можешь, – сказал он и пожал плечами. Затем, после секундной паузы он добавил, вздохнув: «да, Карлитос, дубль – это сон.»

– Ты хочешь сказать, что он нереален? – спросил я.

– Нет. Я хочу сказать, что он сон, – ответил он.

Дон Хуан вмешался и объяснил, что дон Хенаро говорит о первом появлении осознания, что мы являемся светящимися существами.

– Все мы различны, поэтому детали нашей борьбы различны, – сказал дон Хуан. – Однако ступени, по которым мы следуем, чтобы прибыть к дублю, одни и те же. Особенно первые ступени, которые еще не прочны и не уверенны.

Дон Хенаро согласился и сделал замечание о неопределенности, которую маг имеет на этой стадии.

– Когда это первый раз случилось со мной, я не знал, что это произошло, – объяснил он. – Однажды я собирал растения в горах. Я добрался до места, которое уже было обработано другими собирателями растений. У меня было два огромных мешка растений. Я решил уже идти домой, но сначала захотел немножко отдохнуть. Я прилег рядом с тропой в тени дерева и заснул. Затем я услышал, что с холма спускаются люди и проснулся. Я быстро побежал прятаться в укрытие за кустами на небольшом расстоянии от дороги, где заснул. Пока я прятался там, у меня было беспокойное впечатление, что я что-то забыл. Я посмотрел, захватил ли я свои мешки с растениями. У меня их не было. Я посмотрел на то место через дорогу, где я спал, и от испуга чуть не потерял штаны. Я все еще спал там! Это был я! Я потрогал свое тело. Я был я сам!

В это время люди, которое спускались с холма, уже подходили ко мне, который спал. В то время как я, который не спал, беспомощно выглядывал из укрытия. Черт бы все это побрал! Это был сон!

Дон Хенаро остановил свой рассказ и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса или замечания.

– Расскажи ему, где ты проснулся во второй раз, – сказал дон Хуан.

– Я проснулся у дороги, – сказал дон Хенаро. – там, где заснул. Но на какой-то один момент я не знал полностью, где я был в действительности. Я почти могу сказать, что я все еще смотрел на себя просыпающегося, затем что-то дернуло меня к краю дороги, и я оказался протирающим глаза.

Последовала долгая пауза. Я не знал, что сказать.

– И что ты сделал потом? – спросил дон Хуан.

Когда они оба начали смеяться, я сообразил, что они оба поддразнивают меня. Он подражал моим вопросам.

Дон Хенаро продолжал говорить. Он сказал, что на секунду застыл, а затем пошел все проверить.

– Место, где я прятался, было в точности таким, каким я его видел, – сказал он. – и люди, которые прошли мимо меня, удалялись мимо дороги на небольшом расстоянии. Я знаю это, потому что сбежал за ними с холма. Это были те самые люди, которых я видел. Я следовал за ними, пока они не дошли до города. Должно быть, они считали меня сумасшедшим. Я расспрашивал их, не видели ли они моего друга, спящего у дороги. Все они сказали, что не видели.

– Видишь, – сказал дон Хуан, – все мы проходим через одни и те же сомнения. Мы боимся сойти с ума. К несчастью для нас, конечно, все мы уже сумасшедшие.

– Ты капельку более сумасшедший, чем мы, все же, – сказал дон Хенаро мне и подмигнул. – и более подозрителен.

Они стали дразнить меня из-за моей подозрительности, а затем дон Хенаро стал рассказывать дальше.

– Все мы – твердые существа, – сказал он. – ты не один такой, Карлитос. Пару дней я был несколько потрясен своим сном, но затем мне пришлось работать для заработка и заботиться о слишком многих вещах. И я действительно не имел времени, чтобы раздумывать над загадкой своих снов. Поэтому я очень скоро забыл обо всем этом. Я был очень похож на тебя.

Но однажды, несколько месяцев спустя, после ужасно утомительного дня, я заснул как бревно после обеда. Как раз пошел дождь, и течь на крыше разбудила меня. Я вскочил с постели и забрался на крышу дома, чтобы зачинить щель, прежде чем нальет много воды. Я чувствовал себя таким бодрым и сильным, что закончил работу в одну минуту, даже не намкнув. Я подумал, что это небольшой сон, который я имел, подействовал на меня очень хорошо. Когда я все закончил и вернулся в дом, чтобы поесть что-нибудь, я обнаружил, что не могу глотать. Я подумал, что заболел. Я намял корни и листьев и привязал их к шее, а затем отправился в постель. И тогда опять, когда я подошел к своей постели, я чуть не уронил штаны. Я был там, в постели, и спал! Я хотел потрясти меня и разбудить, но знал, что это не та вещь, которую я должен делать. Поэтому я выбежал из дому. Я был охвачен паникой. Бесцельно я бродил среди холмов. У меня не было ни малейшего представления, куда я иду, и, хотя я там жил всю жизнь, я заблудился. Я шел под дождем и даже не замечал его. Похоже было, что я не могу думать. Затем молния и гром стали настолько интенсивными, что я проснулся опять.

На секунду он сделал паузу.

– Ты хочешь узнать, где я проснулся? – спросил он.

– Конечно, – ответил дон Хуан.

– Я проснулся в холмах под дождем, – сказал он.

– Но как ты знал, что проснулся? – спросил я.

– Мое тело знало это, – ответил он. – Это был глупый вопрос, вставил дон Хуан. – ты сам знаешь, что что-то в войне всегда осознает каждую перемену, и в точности это является целью пути воина. То-есть укрепить и поддержать это осознанно. Воин чистит его, драит его и поддерживают его работу.

Он был прав. Я вынужден был согласиться с ним, что понимаю существование во мне чего-то такого, что регистрировало и осознавало все, что я делал.

И однако же, оно не имело ничего общего с моим ординарным осознанием меня самого. Это было что-то другое, что может я не мог обозначить. Я сказал им, что возможно дон Хенаро может описать это лучше, чем я.

– Ты отлично все делаешь и сам, – сказал дон Хенаро. – это внутренний голос, который говорит тебе что есть что. И в тот раз он сказал мне, что я проснулся во второй раз. Конечно, как

только я проснулся, я стал убежден, что я, должен быть, в сновидении. Очевидно, это не было ординарным сном, но это и не было настоящим сновидением, поэтому я остановился на чем-либо еще. Что я ходил во сне, полупроснувшись, может быть. Я не мог понять этого иначе.

Дон Хенаро сказал, что его бенефактор объяснил ему, что испытанное им совсем не было сном, и что он не должен настаивать на том, чтобы рассматривать это как хождение во сне.

– Он тебе сказал, что это что? – спросил я.

Они обменялись взглядами.

– Он сказал, что это был бука, – ответил дон Хенаро голосом маленького ребенка.

Я объяснил им, что хочу знать, объяснил ли все это бенефактор дона Хенаро точно так же, как объясняют они это сами.

– Конечно, так же, – сказал дон Хуан.

– Мой бенефактор объяснил, что тот сон, в котором человек смотрит на себя спящего, – продолжал дон Хенаро, – является временем дубля. Он рекомендовал, чтобы вместо того, чтобы тратить свою силу на размышление и задавание себе вопросов, я должен использовать представляющуюся возможность для действия, и что когда у меня будет другой шанс, я должен быть к нему готов.

Следующий случай произошел в доме бенефактора. Я помогал ему в работе по дому. Затем я лег отдохнуть и как обычно крепко заснул. Его дом был определенно местом силы для меня и помог мне. Я внезапно проснулся от громкого шума. Дом моего бенефактора был большим. Он был богатым человеком, на него работало много людей. Звук походил на звук лопаты, которой копают гравий. Я сел прислушаться, а затем поднялся. Звук еще очень беспокоил меня, но я не мог понять, почему. Я раздумывал над тем, не пойти ли и не посмотреть, что это такое, когда заметил, что я сплю на полу. На этот раз я знал, чего ожидать и что делать и последовал за звуком. Я прошел в заднюю часть дома. Там никого не было. Звук, казалось, исходил из-за дома. Я продолжал следовать за ним. Чем дальше я за ним шел, тем быстрее я мог двигаться. Кончилось тем, что я оказался в отдаленном месте, наблюдая невероятные вещи.

Он объяснил, что во время этих событий, он находился на начальных стадиях своего ученичества, и в области сновидения сделал еще очень мало. Но что он обладал непринужденной легкостью видеть во сне, что он смотрит на самого себя.

– Куда ты пошел, дон Хенаро? – спросил я.

– Это был первый раз, когда я действительно двигался в сновидении, – сказал он. – Однако я знал о нем уже достаточно, чтобы вести себя правильно. Я ни на что не смотрел прямо и в конце концов оказался в глубоком овраге, где у моего бенефактора были некоторые из его растений силы.

– Как ты думаешь, может все это действует лучше, если сновидений очень мало? – спросил я.

– Нет! – вставил дон Хуан. – У каждого из нас есть способность что-нибудь делать с особой легкостью. У Хенаро – талант к сновидению.

– Что ты видел в овраге, дон Хенаро? – спросил я.

– Я видел, как мой бенефактор выполняет опасные маневры с людьми. Я думал, что нахожусь здесь для того, чтобы помочь ему и спрятался за деревьями. Однако, я не знал, как помочь. Тем не менее я не был застывшим и сообразил, что эта сцена для того, чтобы я наблюдал ее, а не для того, чтобы я участвовал в ней.

– Где, как и когда ты проснулся?

– Я не знаю, когда я проснулся. Должно быть, прошло несколько часов. Все, что я знаю, так это что я последовал за моим бенефактором и другими людьми, когда они были готовы войти в дом моего бенефактора, то шум, который они произвели, поскольку они громко спорили,

разбудил меня. Я был на том месте, где видел себя спящим.

По пробуждении я сообразил, что все, что я видел и делал, было сном. Я действительно уходил на какое-то расстояние, ведомый звуком.

– Знал ли твой бенефактор о том, что ты делаешь?

– Он делал звук лопатой, чтобы помочь мне выполнить мою задачу. Когда он вошел в дом, он притворился, что ругает меня за то, что я заснул. Я знал, что он видел меня. Позднее, когда его друзья ушли, он рассказал мне, что заметил мое сияние, скрывающееся за деревьями.

Дон Хенаро сказал, что эти три случая поставили его на тропу сновидения, и что у него ушло 15 лет на то, чтобы дождаться следующего случая.

– Четвертый раз был более сложным видением, – сказал он. – я оказался спящим посередине вспаханного поля. Я обнаружил себя спящим там на боку в борозде. Я знал, что я в сновидении, потому что каждую ночь я настраивал себя на сновидение. Обычно, каждый раз, когда я видел себя спящим, я находился на том же месте, где заснул. На этот раз я не был у себя в постели, хотя я знал, что вечером ложился в постель. В этом сновидении был день. Поэтому я начал исследовать. Я двинулся с того места, где я лежал, и ориентировался. Я знал, где нахожусь. Я был фактически недалеко от своего дома. Пожалуй, в каких-нибудь двух милях. Я прошелся вокруг, глядя на каждую деталь этого места. Я встал в тени большого дерева, росшего неподалеку и посмотрел через небольшую равнину на кукурузные поля, расположенные по склону холма. Что-то совершенно необычное поразило меня тогда. Детали окружающего не менялись и не исчезали, как бы долго я на них не смотрел. Я испугался и побежал обратно к тому месту, где я спал. Я был еще там, точно также, как и раньше. Я стал рассматривать себя. У меня было странное ощущение безразличия по отношению к телу, на которое я смотрел.

Затем я услышал звуки приближающихся людей. Люди, казалось, всегда крутились вокруг меня. Я взбежал на небольшой холм и осторожно посмотрел оттуда. Десять человек приближались к тому полю, на котором я находился. Все они были молодые люди. Я побежал обратно к тому месту, где я лежал и пережил ужаснейшие моменты в своей жизни, пока смотрел на самого себя, лежащего тут и храпящего как свинья. Я знал, что должен разбудить меня, но не имел представления, как это сделать. Я знал также, что смерти подобно для меня разбудить меня самого. Но если эти юноши найдут меня здесь, то они очень обеспокоятся. Все эти размышления, которые проходили через мой ум, на самом деле не были мыслями. Они скорее были сценами у меня перед глазами. Моя озабоченность была, например, сценой, в которой я смотрел на самого себя, ощущая при этом, как будто меня лупят кулаками. Я называю это озабоченностью. После этого первого раза такое бывало со мной неоднократно.

Что ж, поскольку я не знал, что предпринять, стоял я, глядя, что предпринять и ожидая самого худшего. Калейдоскоп мелькающих картин пронесся у меня перед глазами. В особенности я уцепился за одну. Вид моего дома и моей постели. Картина была очень ясной. О, как я хотел оказаться опять в своей постели! Тогда меня что-то встряхнуло. Я почувствовал, как будто меня кто-то стукнул и проснулся. Я был у себя в постели! Очевидно, я был в сновидении. Я выскочил из постели и побежал к месту моего сновидения. Все было в точности таким, каким я его видел. Молодые люди работали там. Я долгое время наблюдал за ними. Они были теми самыми молодыми людьми, которых я видел.

Я вернулся назад, к тому самому месту в конце дня, после того как все ушли, и остановился на том месте, где видел себя спящим.

Кто-то лежал здесь.

Земля была примята.

Дон Хуан и дон Хенаро наблюдали за мной. Они походили на двух неизвестных животных. Я почувствовал мурашки у себя на спине. Я был на грани индальгирования в очень разумном

страхе, что они не были в действительности людьми, такими же как я, но дон Хенаро рассмеялся.

– В те дни, – сказал он, – я был совершенно таким же как ты, Карлитос. Я хотел все проверить. Я был таким же подозрительным, как ты.

Он остановился, поднял палец и погрозил мне, затем повернулся к дону Хуану. – ты не был таким подозрительным, как этот парень? – спросил он.

– Нисколько, – сказал дон Хуан. – он – чемпион.

Дон Хенаро повернулся ко мне и изобразил жест извинения.

– Кажется, я ошибся, – сказал он. – я не был таким подозрительным, как ты.

Они мягко засмеялись, как бы не желая шуметь. Тело дона Хуана сотрясалось от приглушенного смеха.

– Это место силы для тебя, – сказал дон Хенаро шепотом. – ты уже исписал до костей все пальцы на том месте, где сидишь. Ты когда-нибудь делал здесь какое-либо могучее сновидение?

– Нет, он не делал, – сказал дон Хуан тихим голосом. – но зато он делал могучее писание.

Они скорчились. Казалось, что они не хотят громко смеяться. Их тела сотрясались. Тихий смех был похож на ритмическое покашливание.

Дон Хенаро выпрямился и подсел ко мне поближе. Он несколько раз похлопал меня по плечу, говоря, что я негодяй, а затем с огромной силой дернул меня за левую руку к себе. Я потерял равновесие и упал вперед. Лицом я чуть не ударился о землю, автоматически выбросив руку, чтобы смягчить свое падение. Один из них прижимал меня, нажимая на шею. Я не был уверен, кто. Державшая меня рука походила на руку дона Хенаро. Я испытал момент опустошительной паники. Я чувствовал, что проваливаюсь в обморок, возможно, что я это и сделал. Давление у меня в животе было настолько интенсивным, что меня вырвало. Следующим ясным ощущением было, что кто-то помогает мне сесть. Дон Хенаро был передо мной на корточках. Я повернулся, разыскивая дона Хуана. Его нигде не было видно. Дон Хенаро сиял улыбкой. Его глаза блестели. Он пристально смотрел мне в глаза. Я спросил его, что он со мной сделал, и он сказал, что я разбит на части. Судя по его тону, он, казалось, был раздражен или недоволен мною. Несколько раз он повторил, что я разбит на части, и что я должен собраться вновь. Он попытался сыграть суровый тон, но засмеялся в середине своего предложения. Он сказал, что это совершенно ужасно, что я рассыпан по всему этому месту, и что ему понадобится метла, чтобы смести все части в одну кучу. Потом он добавил, что какие-нибудь части у меня могут оказаться не на тех местах, и все кончится тем, что мой пенис окажется на том месте, где должен быть большой палец. В этом месте он засмеялся. Я хотел засмеяться и получил совершенно необычное ощущение. Мое тело развалилось! Казалось, я был механической заводной игрушкой, которая просто рассыпалась на части. У меня совсем не было физических ощущений. Точно также, как я не испытывал никакого страха или озабоченности. Распадение на части было сценой, которую я наблюдал с точки зрения постороннего, и при этом не испытывал никаких ощущений.

Следующее, что я осознал, это, что дон Хенаро манипулирует моим телом. Тут у меня были физические ощущения – вибрация настолько интенсивная, что заставила меня потерять из виду все окружающее.

Я еще раз почувствовал, что кто-то помогает мне сесть. Я опять увидел дона Хенаро, сидящего на корточках передо мной. Он поднял меня за подмышки и помог мне идти. Я не мог понять, где я нахожусь. У меня было ощущение, что я во сне, и однако же было полное чувство непрерывности времени. Я остро осознавал, что только что находился с доном Хуаном и с доном Хенаро на веранде дома дона Хуана.

Дон Хенаро шел со мной, поддерживая меня за левую подмышку. Ландшафт, который я

наблюдал, постоянно менялся. Я не мог однако определить природу того, что я наблюдаю. То, что находилось перед моими глазами более походило на чувство или настроение, и центр, из которого исходили все эти изменения, определенно был моим животом. Я определил эту связь не как мысль или соображение, но как телесное ощущение, которое внезапно стало фиксированным и подавляющим. Изменения вокруг меня исходили из моего живота. Я создавал мир, бесконечный поток ощущений и картин. Тут было все, что я знал. Это само по себе было чувством, а не мыслью и не сознательным заключением.

На секунду я попытался что-нибудь зарегистрировать из-за своей почти неискоренимой привычки все отмечать, но в определенный момент мой процесс регистрации исчез и безымянное что-то обволокло меня, чувства и картины всякого рода.

В какой-то момент что-то внутри меня опять принялось за регистрацию, и я заметил, что одна картина все время повторяется: дон Хуан и дон Хенаро, которые пытаются пробраться ко мне. Картина была мимолетной, она быстро пронеслась мимо. Это можно было сравнить с тем, как если бы я увидел их из окошка быстро движущегося транспорта. Казалось, они пытались поймать меня в то время, как я проходил мимо. По мере того, как эта картина возвращалась, она становилась более ясной и длилась более долгое время. В какой-то момент я понял, что намеренно изолирую ее из бесчисленного множества других картин. Я вроде как проносился через все остальные именно к этой сцене. Наконец я смог удерживать ее, думая о ней. Как только я начал думать, мои обычные процессы взяли верх. Они не были столь определенными как в моей ординарной деятельности, но достаточно ясными, чтобы знать, что та сцена или чувство, которое я выделил, состояли в том, что дон Хуан и дон Хенаро находились на веранде дома дона Хуана и поддерживали меня за подмышки. Я хотел продолжать лететь через другие картины и чувства, но они мне этого не давали. Секунду я боролся. Я чувствовал себя очень легким и счастливым. Я знал, что оба они мне очень нравятся и я знал также, что не боюсь их. Я хотел пошутить с ними, но не знал как, и продолжал смеяться, похлопывая их по плечам. У меня было и другое любопытное осознание. Я был уверен, что я в сновидении. Если я фокусировал глаза на чем-нибудь, оно тут же начинало расплываться.

Дон Хуан и дон Хенаро что-то говорили мне. Я не мог удержать их слова и не мог различить, кто именно из них говорит. Затем дон Хуан повернул мое тело вокруг и указал на груды, лежащую на земле. Дон Хенаро нагнул меня пониже и заставил меня обойти ее. Груда была человеком, лежащим на земле. Он лежал на животе, повернувшись лицом вправо. Они продолжали показывать мне на человека, что-то говоря. Они нагибали меня и заставляли меня ходить вокруг него. Я совсем не мог сфокусировать на нем глаза, но наконец у меня появилось чувство спокойствия и трезвости, и я взглянул на человека. Во мне медленно пробудилось сознание, что человек, лежащий на земле – это я сам. Мое сознание не принесло мне ни ужаса, ни неудобства. Я просто принял это без всяких эмоций. В этот момент я не был полностью спящим, но в то же время я и не был полностью бодрствующим, в здравом уме. Я также стал лучше осознавать дона Хуана и дона Хенаро и смог отличать их от того, что они говорили мне. Дон Хуан сказал, что мы собираемся пойти к круглому месту силы в чапарале. Как только он это сказал, картина того места появилась у меня в уме. Я увидел темную массу кустов вокруг него. Я повернулся направо. Дон Хуан и дон Хенаро тоже были тут. Я ощутил потрясение и чувство, что боюсь их, может быть потому, что они выглядели как две угрожающие тени. Они подошли ко мне поближе. Как только я разглядел их черты, мои страхи исчезли. Я опять их любил. Казалось, я был пьян и не мог ни за что твердо ухватиться. Они схватили меня за подмышки и стали трясти вместе. Они приказали мне проснуться. Я мог слышать их голоса ясно и отдельно. Затем я пережил уникальный момент. У меня в уме были две картины, два сна. Я чувствовал, что что-то во мне глубоко спит и пробуждается и обнаружил себя, лежащим на полу на веранде, а дон Хуан

и дон Хенаро трясли меня. Но я также находился и на месте силы, и дон Хуан и дон Хенаро трясли меня там. Было одно критическое мгновение, когда я не находился ни на том месте, ни на другом. Скорее я был в двух местах, как наблюдатель, видящий две сцены сразу. У меня было невероятное ощущение, что в этот момент я мог пойти в любую сторону. Все, что мне нужно было сделать в этот момент, это изменить перспективу и вместо того, чтобы наблюдать сцену извне, почувствовать ее с точки зрения субъекта.

Было что-то очень теплое относительно дома дон Хуана. Я предпочел эту сцену.

Затем я испытал ужасающую схватку, такую потрясающую, что все мое ординарное сознание вернулось ко мне мгновенно.

Дон Хуан и дон Хенаро лили ведрами на меня воду. Я был на веранде дома дон Хуана.

Несколько часов спустя мы сидели на кухне. Дон Хуан настаивал, чтобы я действовал так, как будто ничего не случилось. Он дал мне какой-то еды и сказал, чтобы я ел побольше, чтобы компенсировать свой расход энергии.

Уже шел десятый час вечера, когда я взглянул на часы, садясь есть. Мой опыт длился несколько часов. Однако, с точки зрения моей памяти, я заснул, казалось, лишь очень ненадолго.

Несмотря на то, что я был полностью сам собой, я все же был застывшим. Мое обычное сознание вернулось ко мне только тогда, когда я начал делать записки. Меня поразило, что записывание может мгновенно возвращать мне трезвость. В тот же момент, когда я опять стал самим собой, поток разумных мыслей немедленно пришел мне на ум. Они предназначались для объяснения того явления, которое я испытал. Я «знал» тот же, что дон Хенаро загипнотизировал меня в тот момент, когда прижал к земле. Но я пытался понять, как он это сделал.

Оба они истерически хохотали, когда я выразил свои мысли. Хенаро осмотрел мой карандаш и сказал, что карандаш является тем ключиком, которым заводится моя основная пружина. Я чувствовал себя в каком-то замешательстве. Я был усталым и раздражительным. Оказалось, что я в действительности ору на них в то время как их тела сотрясаются от смеха.

Дон Хуан сказал, что позволительно наступить мимо лодки, но уж не на такое большое расстояние, и что дон Хенаро прибыл исключительно для того, чтобы помочь мне и показать мне загадку видящего сон и видимого во сне.

Моя раздражительность достигла вершины. Дон Хуан сделал знак дону Хенаро движением головы. Они оба поднялись и повели меня за дом. Там дон Хенаро продемонстрировал свой огромный репертуар рычаний и криков разных животных. Он сказал, чтобы я выбрал какой-нибудь, и он научит меня его воспроизводить.

После очень длительной практики я добился того, что смог имитировать его довольно хорошо. Конечным результатом было то, что они сами наслаждались моими неуклюжими попытками и смеялись буквально до слез. А я сбросил свое напряжение, воспроизводя громкий крик животного. Я сказал им, что в моем крике есть что-то действительно пугающее. Спокойная расслабленность моего тела была ни с чем не сравнима. Дон Хуан сказал, что если я усовершенствую этот крик, то смогу превратить его в дело силы или же просто смогу использовать для того, чтобы сбросить свое напряжение, когда мне это нужно. Он предложил, чтобы я пошел спать, но я боялся спать. Я сидел рядом с ними у кухонного очага некоторое время, а затем совсем ненамеренно провалился в глубокий сон.

Проснулся я на рассвете. Дон Хенаро спал около двери. Казалось, он проснулся одновременно со мной. Меня укрыли и подложили под голову мой жакет как подушку. Я чувствовал себя очень спокойным и хорошо отдохнувшим. Я заметил дону Хенаро, что прошлой ночью я очень утомился. Он сказал, что он тоже. И прошептал, как бы доверяясь мне, что дон Хуан устал еще больше, потому что он старше.

– Мы с тобой молоды, – сказал он с блеском в глазах, – а он – стар. Сейчас ему наверное уж

около трехсот.

Я поспешно сел. Дон Хенаро прикрыл лицо одеялом и захохотал. В этот момент в комнату вошел дон Хуан.

Я ощущал собранность и покой. Хоть один раз ничего в действительности не имело значения. Мне было так легко, что я хотел плакать.

Дон Хуан сказал, что прошлой ночью я начал осознавать свое свечение. Он предупредил меня, чтобы я не индугировал в хорошем самочувствии, как я это делаю, потому что оно обратится в недовольство.

– В данный момент, – сказал я, – я ничего не хочу объяснять. Не имеет никакого значения, что дон Хенаро сделал со мной прошлой ночью.

– Я ничего не делал с тобой, – бросил дон Хенаро. – смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я обнял дона Хенаро, и мы смеялись как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда я его видел, я был неспособен к нему прикоснуться. Я заверил его, что эти вопросы меня больше не трогают.

Замечанием дона Хуана было, что я индугирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

– Берегись, – сказал он. – воин никогда не снимает свою стражу. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то ты выпустишь ту последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась.

– Что я должен делать? – спросил я.

– Быть самим собой, – сказал он. – сомневаться во всем, быть подозрительным.

– Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

– Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступное ему для того, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда он откроется. Поэтому неважно, что на самом деле тебе не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это твой единственный щит.

Пиши, пиши, или ты умрешь. Умереть в восторженном состоянии – чепуховый способ умирания.

– Тогда, как должен умирать воин? – спросил дон Хенаро в точности моим тоном голоса.

– Воин умирает трудно, – сказал дон Хуан. – смерть должна бороться с ним. Воин не отдается ей.

Дон Хенаро раскрыл свои глаза до огромных размеров, а затем мигнул.

– То, что Хенаро показывал тебе вчера – крайне важно, – продолжал дон Хуан. – ты не должен разрушать этого своей набожностью. Вчера ты сказал мне, что тебя с ума свела идея дубля. В этом-то и беда с людьми, которые сходят с ума. Они сходят с ума в обе стороны. Вчера ты был весь вопросы, сегодня ты весь – приятие.

Я указал, что он всегда находит дыру в том, что я делаю, в независимости от того, как я это делаю.

– Это неверно, – воскликнул он. – в пути воина нет дыр. Следуй ему, и твои поступки никто никогда не сможет критиковать. Возьмем, например, вчерашний день. Путем воина было бы в-первых, задавать вопросы без страха и без подозрения, а затем позволить Хенаро показать тебе загадку видящего сон, не сопротивляясь ему и не опустошая себя. Сегодня путем воина было бы собрать все то, чему ты научился без предвзятости и без набожности. Делай так, и никто не найдет в этом никаких дыр.

Я подумал, судя по его тону, что дон Хуан должно быть ужасно раздражен моей

неуклюжестью. Но он улыбнулся мне, а затем рассмеялся, как если бы его собственные слова его рассмешили.

Я сказал ему, что я просто сдерживаюсь, потому что не хочу загружать их своими вопросами. Я действительно переполнен впечатлениями от того, что дон Хенаро со мной сделал. Я был убежден, хотя это больше и не имеет значения, что дон Хенаро ожидал в кустах, пока дон Хуан не позвал его. Затем, позднее, он воспользовался моим испугом и использовал его, чтобы ошеломить меня. После того, как я был прижат к земле, я без сомнения потерял сознание, и тогда дон Хенаро, должно быть, загипнотизировал меня.

Дон Хуан возразил, что я слишком силен, чтобы поддаться так легко.

– Что же тогда имело место?

– Хенаро пришел навестить тебя, чтобы рассказать тебе нечто исключительное, – сказал он. – когда он вышел из кустов, он был Хенаро-дубль. Есть другой способ говорить об этом, который бы объяснил все это лучше, но сейчас я не могу им воспользоваться.

– Почему же нет, дон Хуан?

– Потому что ты еще не готов говорить о целостности самого себя. Пока что я скажу лишь, что вот этот Хенаро здесь – не дубль сейчас.

Он показал кивком головы на дона Хенаро. Тот пару раз моргнул.

– Хенаро прошлой ночи был дублем, и как я тебе уже говорил, дубль имеет невообразимую силу. Он показал тебе очень важный момент. Чтобы сделать это, он вынужден был коснуться тебя. Дубль просто коснулся твоей шеи в том месте, где наступило на тебя олли несколько лет назад. И естественно, что ты выключился как свет. Естественно также, что ты индальгировал как сукин сын. Нам потребовалось несколько часов, чтобы раскрутить тебя. Таким образом ты рассеял свою силу, и когда пришло время выполнять задачу воина, в твоём мешке ее не хватало.

– Что это была за задача воина, дон Хуан?

– Я говорил тебе, что Хенаро пришел показать тебе нечто, загадку светящихся существ как видящих сны. Ты хотел узнать о дубле, он начинается в снах. Но затем ты спросил: «что такое дубль?» И я сказал, что дубль это ты сам, человек сам видит во сне дубля. Это должно бы быть простым, разве что нет ничего простого относительно нас. Может быть обычные сны тебя самого просты, но это не значит, что ты сам прост. Как только ты сам научаешься видеть во сне дубля, то прибываешь на этот колдовской перекресток, и приходит момент, когда осознаешь, что это дубль видит во сне тебя самого.

Я записал все, что он сказал. Я также обращал внимание на то, что он говорит, но не смог его понять.

Дон Хуан повторил свои заявления.

– Урок прошлой ночи, как я сказал тебе, был относительно видящего сон и видимого во сне, или относительно того, кто кого видит во сне.

– Извини, я не разобрал, – сказал я. – я не расслышал.

Оба они расхохотались.

– Прошлой ночью, – продолжал дон Хуан, – ты почти избрал проснуться на месте силы.

– Что ты хочешь сказать, дон Хуан?

– Это был бы поступок. Если бы ты не индальгировал своими глупыми способами, то у тебя было бы достаточно силы, чтобы потрогать чешуйки, и ты, без сомнения, перепугался бы до смерти. К счастью, или к несчастью, но как бы то ни было, но силы у тебя было недостаточно. Фактически, ты растратил свою силу в бесполезном замешательстве до такой степени, что у тебя едва хватило ее, чтобы выжить.

Поэтому, как ты очень хорошо можешь понять, индальгировать в своих маленьких повадках не только глупо и убыточно, но также и вредно.

Воин, который опустошает себя, не может жить. Тело не является неразрушимым. Ты мог тяжело заболеть. Не заболел ты только потому, что мы с Хенаро отклонили часть твоей чепухи.

Полный смысл его слов начал доходить до меня.

– Прошлой ночью Хенаро провел тебя через сложности дубля, – продолжал дон Хуан. – только он смог это сделать для тебя. И это не было ни видением, ни галлюцинацией, когда ты увидел себя, лежащим на земле. Ты мог бы понять это с бесконечной ясностью, если бы не потерялся в своем индульгировании. И ты знал бы тогда, что ты сам являешься сном, что твой дубль видит тебя во сне, точно также, как ты его видел во сне прошлой ночью.

– Но как это может быть возможным?

– Никто не знает, как это происходит. Мы знаем только, что это случается. В этом загадка нас как светящихся существ. Прошлой ночью у тебя были два сна, и ты мог проснуться в любом из них. Но силы у тебя было недостаточно даже для того, чтобы понять это.

Секунду они пристально смотрели на меня.

– Я думаю, он понимает, – сказал дон Хенаро.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать аудиокнигу](#)